

Леа Ведынски

О Жизни, Смерти и Любви

Записи на полях в дневнике психолога

Леа Веденски
О Жизни, Смерти и
Любви. Записи на полях
в дневнике психолога

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19041564

Аннотация

Книга израильской писательницы и психолога Леи Веденски посвящена вечным темам – Жизни, Смерти и Любви. Короткие сильные истории её персонажей иллюстрируют и раскрывают различные грани этих фундаментальных понятий. В книге приведены яркие случаи из личной жизни и психотерапевтической практики, где автор стремится всесторонне показать глубину переживаний человека в самых важных аспектах бытия. Потеря близких и встреча со Смертью, мучительные поиски себя и своего пути, одиночество и стремление к подлинной близости, трагические и созидательные стороны Любви – основной круг затрагиваемых тем. Через всё повествование проходит главный посыл автора – призыв любить Жизнь, выбирать Жизнь несмотря ни на что, ценить каждое её мгновение.

Леа Веденски

Леа Веденски
О Жизни,

Смерти и Любви
Записи на полях в дневнике

психолога

Тель-Авив
Издательство Mirai Art Studio

2016
Леа Веденски

Леа Веденски (Lea Wedensky) (1969) – израильтянка, психолог, писатель, ученый. Автор ряда психотерапевтических и развивающих мышление методик. Руководитель культурных проектов, автор книг культурологического и психотерапевтического направления. Занимается научными исследованиями в области работы сознания и особенностей лингвистического пространства человека, практикой в области

помощи людям, жертвам чрезвычайных ситуаций. Лектор и ведущая психотерапевтических групп различного формата. Проводит семейное и индивидуальное консультирование. Автор ряда методик по отбору управляющего персонала. Консультант и руководитель проектов в областях: корпоративной культуры, брендинга, найма и обучения персонала. Автор благодарит

Я хочу выразить огромную благодарность всем, кто помог мне в создании этой книги:

Гульнаре Сабрековой – литературному редактору, за терпение, предельно вдумчивое и бережное отношение к текстам, за то, что неустанно вдохновляла и поддерживала меня в работе.

Яне Габай – моей близкой подруге и переводчику этой книги на иврит, за несокрушимую веру в меня и огромную работу, сделанную ею за это время.

Тане Соколовской – дизайнеру книги, за высокий профессионализм, готовность находить интересные решения, за огромное удовольствие от совместной работы.

Маше Ройтман – художнику-иллюстратору, за тонкое чувство текстов и точность выражения идей книги в образах, за талант и готовность сотрудничать.

Участникам проекта «Живое Слово»: Родиону Копялу, Яне Габай, Марине Вуль, Татьяне Соколовской, Наталье Левитин, Елене Кон, Нильсу Датчу за то, что прошли вместе со мной этот нелегкий путь до конца, за помощь и поддерж-

ку, за готовность предоставить свои тексты для книги, за мужество и искренность, за горячее сердце и дружеское плечо рядом.

Предисловие

Попробуйте вспомнить, какие события, истории, встречи оказали на вас самое сильное влияние? Какие из них оставили неизгладимый след в памяти и заставили понять нечто важное? Уверяю вас, таких ярких и драгоценных событий не так уж и много в нашей жизни. Подобные истории, как вспышки света, озаряют наше темное «подземелье» неосознанности, навсегда меняя представления о мире и о себе. В них есть особая глубина, они сокровенны, а делимся мы ими только в моменты подлинной близости. Эти истории – живые сущности, они полны огромной энергии и силы. Облачившись в слово, они обретают свободу. Начав жить собственной жизнью как отдельные и самостоятельные сущности, они расходятся по свету и поселяются в сердцах и умах людей, которые готовы их услышать. Из таких историй-сущностей и состоит эта книга.

Профессия психолога – настоящий дар, это вход в сокровищницу драгоценных смыслов. Многие из рассказов, вошедших в эту книгу, были услышаны мной во время работы с людьми, находящимися в состояниях кризиса, острого горя, на пороге смерти или глобальных перемен. Разумеется, все имена в ней вымышленные, и события несколько видоизменены, но главные смыслы сохранены очень бережно.

Название книги «О Жизни, Смерти и Любви» неслучайно. В какой-то момент я осознала, что сильные истории всегда о «самом главном», они каждый раз раскрывают новые грани именно этих фундаментальных понятий. В зависимости от того, как мы относимся к ним, формируются наши ценности, верования, поведение, а это в конечном итоге влияет и на наше психологическое состояние, и на физическое здоровье.

Мой жизненный опыт, годы практики работы с людьми и размышления об этих вечных понятиях позволили прийти к следующему выводу:

Жизнь – это волшебство, великий дар и безусловная ценность, но именно скоротечность, именно Смерть делает её такой. Только в моменты конфронтации со Смертью человек способен осознать, что одна минута Жизни может вмещать в себя бесконечно много возможностей. Один совершенный поступок, одно слово за это короткое время, могут всё изменить, и лишь Любовь придает созидательный характер, глубину и высочайшее качество нашему действию, только она способна наполнить смыслом каждое мгновение Жизни...

Часть первая:
Вальсируя
со Смертью

Вечные влюбленные – Жизнь и Смерть

В одной из душевных бесед я спросила свою бабушку о том, как не ошибиться в принятии важного решения, ведь порой невозможно знать наверняка, как именно поступить.

Она ответила:

– Если не знаешь что делать, – спроси совета у Смерти.

– Как это? – обомлела я.

– А так: если хочешь решить что-то важное, представь себе, как бы ты поступила, если бы знала, что через минуту умрешь. Смерть – она очищает от всей шелухи, перед её бездной все голые. Она дает ясность. – ответила мне тогда бабушка.

Через некоторое время после того, как она умерла, мне стали сниться странные сны. В них я беседую с кем-то, кого не вижу, и этот «некто» отвечает на самые сложные мои вопросы, мы размышляем и философствуем. Так вот, однажды мне приснился сон, где этот самый «некто» рассказал, что Жизнь и Смерть – это две влюбленных друг в друга сущности. Они томятся в вечной тоске, но если повезет, то они смогут встретиться и выразить свои чувства друг к другу посредством душ людей, которые отважились любить по-настоящему...

– Потому что Любовь сильна как Смерть, – сказал мне «некто». – У того человека, в чьей душе они встретились, появляется возможность познать невероятные вещи, настоящие тайны мироздания...

В моей жизни был очень сложный период, когда я много времени проводила рядом с умирающими людьми в онкологическом отделении больницы, где лежала моя мама. В семнадцать лет такое обилие боли, страха, болезни и смерти очень трудно переварить.

Когда становилось невыносимо страшно и горько одной, я начинала мысленно разговаривать с бабушкой, вспомнила наши размышления о смерти и мои вопросы к ней. Именно в то время я каким-то непостижимым образом нашла в себе силы переступить через страх и начала пристально всматриваться в реальность.

В ходе своих наблюдений заметила, что сначала практически все люди испытывали шок, узнав о болезни, и в этом все они были похожи.

Потом отметила, как по-разному они относились к такому изменению в своей жизни. Кого-то это словно очищало и подталкивало к состоянию предельной ясности. Они торопились завершить все дела, успеть сказать своим близким о самом важном и сокровенном. Они становились спокойными и прозрачными.

Я буквально видела, как через них начинал струиться свет исцеляющей любви, любви Жизни и Смерти. И тогда я знала, что в душе этих людей «вечные влюбленные» наконец встретились. Некоторые чудесным образом выздоравливали, словно их обрызгали сначала мертвой, а потом живой водой, как в сказке.

Сколько таких людей я держала за руку за эти пять лет... Держала и слушала до самого конца, до самого последнего вздоха. Сколько невероятно глубокого и важного я услышала от них, от этих смельчаков. Сколько сделали они для моей юной души и разума... Не передать словами мою благодарность!

В тот период я увидела, как окружающие сторонились заболевших людей. Все словно боялись «заразиться» от них Смертью. Их мало кто слушал. Одни говорили с ними так, будто ничего не случилось и натянуто улыбались. Другие жалели себя даже больше, чем больного и плакали со скорбными лицами. Никто не замечал, что в этот момент они – их лица, глаза, души – словно окна в неведомый мир вечности, что очень важно, чтобы кто-то дал им возможность рассказать о своих чувствах, передать постижения и открытия, которые есть внутри. Но окружающие не хотели брать их бесценные дары...

Были и другие люди, у которых в душе не было Бога. Не было у них доверия к Жизни, а уж тем более, доверия к Смерти. По их разговорам я понимала, что и когда жили, они тоже были не «очень-то живые», всё время находились в плену тьмы, словно в дреме, вечно всем недовольные.

Вот ими овладевал жуткий, животный, липкий страх. Он тащил их в болото ненависти к живущим, жалости к себе, в огромную зияющую пустоту бессмысленности... Это по-настоящему страшное зрелище! Наверное, именно так вы-

глядит ад. Они буквально сгорали в огне своей собственной преисподней.

Эти люди, как правило, становились всё более мрачными, злобными и замкнутыми. Они увядали на глазах, создавая вокруг себя мрак безысходности. Глядя на них, я понимала, что в их душе сейчас царствует только Смерть, и она страшно тоскует от одиночества, в иступлении терзая их тела...

Спасибо за урок, полученный так рано. Возможно смогу воспользоваться им, когда наступит мой час. Надеюсь, вечные влюбленные выразят свою нежность и страсть на просторах моей души... Сохранить лицо перед лицом Смерти

– Какой самый ценный дар ты получила от своей матери, который пронесешь через всю свою жизнь? – спросила я, внимательно глядя на женщину.

Чувствовалось, что сейчас самое время спрашивать. Всё говорило об этом: её сосредоточенный взгляд, устремленный в самые глубины души, спокойное разгладившееся лицо, словно освещенное внутренним светом, сложенные на груди руки...

– Трудно так сразу сказать, много чего ценного было. Она научила меня смотреть жизни в лицо, – женщина помолчала немного. – Хотя, знаете, не только в лицо жизни, но и в лицо смерти.

Моя мама, да упокоится её душа с миром, была удивительная женщина: красивая, сильная, умная, властная, волевая. Сколько её помню, что бы ни происходило, какие бы пробле-

мы ни возникали, в каких бы состояниях она ни находилась, всегда у нее был маникюр, педикюр, укладка, утонченный макияж, безупречный наряд.

Мама тяжело умирала от сложной формы рака, страдала и меркла на глазах целых пять лет, её мучили страшные боли.

Она хотела, чтобы её похоронили рядом с нашими родственниками. Когда она почувствовала приближение смерти, мы переправили её к сестре, где она провела последнюю неделю своей жизни. Умерла ночью, во сне. Но перед этим произошло нечто удивительное. Мама была без сознания всю неделю, а поздним вечером, накануне смерти, внезапно пришла в себя и позвала сестру. «Я хочу, чтобы ты нарисовала мне и сделала маникюр», – попросила мама. Её сестра очень удивилась. Она сказала, что уже ночь, совсем поздно, да и незачем это делать, всё равно её никто не увидит. Мама ответила: «Прошу тебя, удели мне немного своего времени, я хочу сохранить свое лицо перед лицом смерти»...

В комнате повисла тишина. Женщина долго молчала. Молчала и я, не смея нарушить хрупкую интимность, возникшую между нами.

– Да, это был один из самых ценных её даров. Никогда об этом так не думала. Только сейчас поняла, как сильно я её люблю и восхищаюсь ею, – тихо сказала она. История про свечу

Будучи ребенком, я много времени прожила с бабушкой. Она была удивительным человеком, который способен подарить целый мир всего за несколько минут. И волшебные её миры обладали особым свойством – ими всегда очень хотелось поделиться...

Как-то вечером во всем районе отключили свет, такое частенько случалось. Бабушка зажгла большую свечу и поста-

вила на стол в кухне. Всё вокруг погрузилось в таинственные сумерки. Мне это очень понравилось, и я стала играть с пламенем, изображая всяких зверушек, забавляясь с тенью, отбрасываемой от моих рук на побеленную стену. Бабушка тихо наблюдала за мной какое-то время, а потом сказала:

– Знаешь детка, а ведь и с людьми всё точно так же.

– Как так же, бабушка? – удивленно спросила я.

– Есть люди, которые живут очень близко к свету, а их тень – большая-большая и почти прозрачная, – она пододвинула мою руку ближе к пламени, и я увидела, как тень от нее стала огромная, покрыла всю стену и даже потолок.

– Иногда целые народы живут в тени одного такого человека, и для них его тень – как Свет! Такие люди проводят Свет сквозь себя, прикрывают душой и разумом обжигающие лучи истины, облачают их в любовь своего сердца и передают людям.

Я замороженно смотрела то на пламя свечи, то на огромную тень на стене и потолке.

– А есть люди, которые живут далеко от света, и их тень маленькая-маленькая и совсем черная, – сказав это, она взяла мою руку и стала отодвигать её всё дальше и дальше от пламени. Я перевела взгляд на стену и увидела, что тень от моей руки свернулась в комок и стала похожа на причудливую кляксу. – Эти люди живут словно во сне, не чувствуют полноты жизни, боятся перемен и питаются лишь крохами света.

– Рано или поздно каждому человеку приходится выбирать, где именно жить – близко или далеко от Света, – заключила она, поцеловала меня в темечко и тихо вышла...

Животная душа

В древнейшем из языков, иврите, есть два слова – «нефеш» и «нешамá», которые переводятся на русский язык как «душа». После некоторых выяснений мне удалось понять, в чем же между ними разница. Оказалось, что «нефеш» – это животная душа, та, что оживляет наше физическое тело, а «нешама» – высшая душа, питающая тело духовное... Эти знания в дальнейшем помогли мне взглянуть на некоторые события моей жизни под новым углом... Тобик и Лайка

Мы с мамой жили в пятиэтажном доме с большим двором, площадкой для игр и голубятней, которую построил и содержал хулиган и вожак местной шпаны, наш сосед Федяй. Сразу за двором шла полоса гаражей, а за ними – спуск к реке длиной в пару километров, весь покрытый высокими деревьями. За речкой – деревня. Огромный мир для детворы!

Осваивай – не хочу.

Как-то раз в деревне за рекой в одном доме случился пожар. Люди говорили, что все хозяева сгорели заживо, ничего не почувствовали – спали. У них во дворе жили две собаки. Первая – Лайка – породистая белая лайка, пушистая, хвост бубликом. А второй пес – овчарка, уши торчком и хвост пистолетом. В моем воображении он был – ну вылитый волк!

В детстве я всю животину опекала да кормила. Котят бездомных вечно домой таскала, птиц раненых, одним словом, всех, кто попадался мне на глаза. Вот и этих двух осиротевших собак пригрела я в нашем дружном дворе. И соседи их полюбили. Все носили им косточки и всякие вкусности. А собаки в благодарность за любовь охраняли наш двор от пьянчужек, которые вечно шатались по двору на пути из пивнушки за реку.

Так все к ним привязались, что даже наш бандюган Федяй загородил пространство между длинными «куриными ногами» своей голубятни, соорудив тем самым утепленную, комфортную конуру нашим любимцам.

Мы называли собак Лайка и Тобик.

Они были прекрасной парой – любо-дорого смотреть. Среди их щенков, которые появлялись два раза в год, всегда было два, а то и три беленьких. Щенки такие хорошенькие, и разбирали их быстро, иногда даже желающие спорили, кому они достанутся.

Какие смышленные это были собаки! Тобик встречал нас с

друзьями из школы и вел домой. Если хорошо попросить, то мог помочь донести тяжеленный портфель. Зимой они катали нас на санках, и мы смеялись и бесились вместе, валяясь в снегу.

Тобич, так я называла его, был моим самым близким другом. Он всё всегда понимал, только ему я плакалась в жилетку, а он тщательно вылизывал мое мокрое от слез лицо, слушал и порывкивал, и я понимала, что пес журит меня за то, что так раскисла. Тогда я обещала ему скоро исправиться и не хныкать...

Они привыкли жить во дворе, и затащить их в свой дом было практически невозможно. Их, видимо, так воспитали, что место собаки не в доме, а во дворе, и работа её – охранять. Одним словом, они прекрасно справлялись со своей службой и прожили в нашем дворе несколько лет.

Вся идиллия закончилась 22 января. (Эта дата стала во всей истории по-настоящему роковой, и к ней мы еще вернемся). Тем морозным вечером, когда совсем стемнело, я вышла проведать Лайку и побаловать вкусненьким. У нее тогда щенята были. В этот раз, почему-то, из четырех щенят ни один не был белым – все в Тобича пошли.

Подхожу к будке и вижу – кровь на снегу. Открыла дверцу, позвала тихонько: «Лайка, Лайка». Боялась напугать, а то ведь она щенят тогда кормила. Зову, а она лежит и не шелохнется. Тут я отважилась и вытащила её. Она оказалась мертвой. К её застывшему телу присосались голодные щенята. Я

стояла и смотрела на белую мою Лайку, которая лежала на белом снегу, вся в крови.

Потом выяснилось, что она слишком упорно лаяла на пьяных мужиков, которые шли к речке. Они её топором рубили, она, видимо, до конуры к детям доползла, там и умерла.

Тобика нигде не было. Что делать с телом Лайки в такую темень, я не знала. Сгребла всех кутят в охапку и потащила домой. Нашла в кладовой коробку, постелила тряпку, погладила, успокоила, покормила... Всё это как во сне. Вскоре пришла мама, она что-то спрашивала, я что-то отвечала. Я всё слышала, как через толстый слой ваты, и почти не понимала, о чем она говорит. Потом она дала мне выпить валерьянки. Не помню, как забылась тяжелым сном.

Проснулась утром, и на меня сразу навалилась тяжесть осознания произошедшего. Соседи уже похоронили Лайку. Весь двор был в шоке от этой неслыханной жестокости. А Тобич вернулся ближе к утру и так долго сидел и выл возле конуры, что под ним растаял снег, и стало видно зеленую траву...

Он страдал и скучал, словно человек, еще очень долго. Каждый раз, когда я называла имя Лайки, он скулил, сводил вместе брови, и на глазах его появлялись самые настоящие человеческие слезы. Я видела, как сильно он её любит и не хочет жить без нее. Он ничего не ел несколько дней. Мы долго беседовали с ним, я уговаривала его жить дальше, быть нашим другом, встречать из школы... Но он продолжал тосковать.

Щенята подросли, и их, как всегда, разобрали. А наш Тобик больше не был прежним – живым, игривым псом. Он стал всё чаще пропадать со двора. Иногда не появлялся по несколько дней. Потом приходил, худющий, весь в репьях.

В те времена городские власти периодически давали распоряжение очистить город от бродячих собак. Отстреливали их обычно в дневное время среди недели, когда основная масса детей находилась в школе.

У моей мамы была знакомая, которая регулярно сообщала нам о намечающихся «чистках», и мы прятали собак по домам. Лайка шла в дом к соседям довольно спокойно, а Тобича можно было затащить только к нам с мамой, ни в какое другое место он не шел. Так мы и берегли их несколько лет, и «чистка» обходила нас стороной.

Вторая беда случилась тоже 22 января, ровно через год после того, как убили нашу Лайку. Тобича не было уже несколько дней. Я болела страшной ангиной, и мама сидела со мной дома. В тот день мне стало чуть лучше, и она отпустила меня на полчаса – подышать свежим воздухом. Я, закутанная в шубу и пуховый платок, бесцельно слонялась по пустому, усыпанному свежим снегом двору. И вдруг увидела, что ко мне несется Тобик! Он был ужасно напуган, стал прятаться за меня и скулить. Я ничего не понимала, пока из-за угла дома не появился человек с ружьем в руках. Мне очень врезалось в память, что на ногах у него были унты – сапоги из собачьей шкуры. Тобич уткнулся мордой мне в ноги сзади, я схватила его и начала кричать, что это моя собака. Мужик поднял ружье и сказал мне, чтобы я отошла в сторону. Я не двигалась...

Сейчас я думаю, пес решил, что мне грозит опасность. Он

вырвался из рук и побежал прочь, прыгая через сугробы... Дальше всё было словно в замедленной съемке. Прямо на взлете пуля пробила его грудь, и я увидела, как брызнула кровь. Мой Тобич рухнул замертво на снег, не издав ни единого звука...

Не помню, как оказалась дома. Должно быть, мама, увидев происходящее из окна, затащила меня домой. Я вся словно окаменела. Мама что-то говорила, пыталась меня утешить, но я ничего не слышала, только смотрела в окно на место, где весь снег был красным... Подойдя ближе, посмотрела вниз и увидела, что вдоль подъездов едет грузовик-живодерка. Он был битком набит трупами собак, сверху лежало застывшее на морозе тело моего друга Тобича. Этот грузовик увозил его от меня навсегда, а вместе с ним уезжало и мое беззаботное детство и моя вера в мир добрых людей...

Все соседи ужасно тосковали по ним и были так шокированы жестокостью, что эта история даже появилась в местной газете.

После случая с Тобичем у меня всё как отрубилло. Я больше никогда не заводила собак, хоть и продолжаю их любить, больше никогда не привязывалась ни к одной из них.

Более двадцати лет прошло с тех пор, и я поделилась этой историей со своим другом. Мы сидели под ночным небом, я рассказывала, а он очень внимательно слушал. А когда закончила, он вдруг сказал: «Теперь я понимаю, почему всегда создается такое впечатление, будто ты оторвана от этого

мира и не особо стремишься к нему прикрепиться, словно в этих собаках Бог умертвил твою связь с животной душой, твою привязанность к телесному». Судьба собачья

Через некоторое время после истории с Тобиком и Лайкой со мной произошло еще одно знаковое событие, и оно тоже связано с судьбой собаки.

Это был период жизни, когда я, будучи подростком, внутренне томилась какой-то жадной неведомой мне природы, выражавшейся в потребности жадно наблюдать за людьми, да и вообще просто «глазеть» по сторонам.

В городке, где я росла, в самом его центре, был симпатичный скверик, окруженный низкой изгородью, на которой можно посидеть как на жердочке. Напротив, как в телевизоре, открывалась вся живая изнанка торговой площади, где я наблюдала множество ярких сцен: комедий, трагедий, драм. В них раскрывалась вся правда жизни. Там я и соприкоснулась с одной трагической «собачьей судьбой».

Под ступеньками старого хлебного магазина, что был на площади, жила весьма занятная псина. Она была простой бродячей собакой, категорически беспородной и настолько грязной, облезлой и жалкой, что вызывала смешанные чувства омерзения, жалости и раздражения.

И была у этой псины своеобразная манера поведения. Как только кто-то выходил из магазина, выскочив из-под ступенек, она бросалась лизать ноги, повизгивать, умоляюще смотреть в глаза, выпрашивая что-нибудь съедобное. У боль-

шинства она вызывала такую брезгливость, что люди шаркались в сторону. Подкармливать её никому не хотелось, а потому она была ужасно худая и всегда голодная. У мужиков, которые заходили в этот магазин в основном за четвертушками хлеба на закуску, псина вызывала сначала веселье, а потом почему-то дикую, звериную злобу. Каждый второй из них самозабвенно пинал несчастную, чтобы поскорее избавиться от нее.

Эту картину я наблюдала из раза в раз, когда приходила посидеть на свою «жердочку для глазения по сторонам». Меня поражала напористость этой странной собаки. Сколько бы её ни пинали, она продолжала упорно делать одно и то же! Чем больше её били, тем более жалкой и омерзительной она становилась, и чем более жалкой она становилась, тем меньше проходим хотелось её кормить. Такой вот замкнутый круг. Псина прихрамывала после побоев, подтаскивая за собой изуродованную заднюю лапу. Вся шерсть на боках облезла от нескончаемых ударов. Глядя на эти сцены изо дня в день, я чувствовала, как что-то внутри меня всё больше и больше сжималось, это была какая-то огромная металлическая спираль ледяной ярости. И вот однажды сила её сжатия дошла до предела...

В этот день я пришла в сквер после школы и увидела, что с высоченных его деревьев спиливают нижние ветви. Вся земля вокруг была буквально завалена ими. В очередной раз, устроившись на своем посту, я стала свидетелем сле-

дующей сцены. Из магазина вышел изрядно выпивший мужик неопределенного возраста с синевато-красным, как это обычно и бывает у алкоголиков, лицом. Он был одет в длинный, грязный плащ цвета хаки, из кармана которого торчала початая бутылка водки. В руках он нес полбуханки черного хлеба. Отламывая его на ходу, мужик запихивал свежую мякоть в беззубый рот и кряхтел от удовольствия.

И вот, ведомая неумолимым своим собачьим роком, облезлая псина выскочила из-под ступенек и бросилась лизать его ноги в грязных сандалиях. Я зажмурила глаза и приготовилась услышать звуки пинков и истошный собачий визг. Ждать долго не пришлось – через мгновение я их услышала, да еще вперемешку с отборным матом. То, что произошло потом, заставило мою внутреннюю пружину, напряженную до предела, вырваться наружу и превратиться в яростный удар. Это был тот самый случай, когда я потеряла контроль...

Мужик, вытаращив красные глаза, старательно и остервенело пинал псину. Она громко визжала, но... не убегала...

В какой-то момент он остановился, ощерился своим беззубым ртом и вдруг, расстегнув ширинку обляпанных жиром и грязью штанов, начал поливать собаку желтой, обильной струей мочи...

На минуту мне показалось, что я сплю, что этого не может быть на самом деле, это было похоже на страшный, отвратительный сон. Но потом, случилось самое поразительное:

псина, избитая уже до полусмерти, снова подползла ближе и стала лизать мужику ноги, обрызганные мочой... Тут его глаза налились кровью, и я увидела, как он высоко занес ногу и со всей силы обрушил её на «презренную тварь»... У меня в ушах зазвенело от её истошного визга... Он топтал изуродованную тушку, вытаращив безумные глаза, и орал «сдохни, сука, сдохни...» Следующее, что я помню, это подергивающиеся её лапы – мужик, похоже, серьезно повредил ей позвоночник. Вокруг начали собираться зеваки, и он, смачно сплюнув, поспешно удалился. А собака, истошно визжала от боли и дергалась. Казалось, агонии и этому душераздирающему звуку не будет конца.

У меня внутри что-то словно взорвалось. Дальше всё было как во сне. Поле зрения вытянулось в длинный узкий тоннель. Я оглянулась и увидела рядом с собой толстые ветви деревьев, которые теперь аккуратно напиленные лежали небольшой горкой на траве. Встав на «одеревеневшие» ноги, я подошла и взяла здоровую палку. Мною словно управляла какая-то неведомая сила, неумолимой её воле невозможно было сопротивляться. Я растолкала толпу улюлюкающих зевак, которые глазели на корчащуюся в судорогах, визжащую псину, и со всего маху обрушила удар нечеловеческой силы на её хребет... Визг резко оборвался, и я услышала, как ахнули люди, расступаясь в стороны. И вдруг я почувствовала невероятное, вселенское облегчение...

В городе потом еще очень долго ходили слухи об этом инциденте, а во сне я снова и снова видела ночной кошмар – эпизод умопомрачительного унижения под струей дымящейся мочи.

«Как могла собака так унижаться, так опозорить свой род, благородный и достойный род Тобикив и Лаек?!» – спрашивала я сама себя. Просыпаясь, каждый раз думала, что такое унижение хуже смерти: ничто и никогда не заставит меня потерять достоинство и запятнать память моего друга Тобича, не издавшего ни звука, когда пуля прострелила его грудь...

Порой я вижу отголоски образа той псины в разных людях, вижу, как порождают они по отношению к себе бесконечные потоки злости и презрения, упорно не желая очеловечиваться, освобождаться, поднимать голову, вести себя достойно уважения. Они не понимают, что роль убогой жертвы вызывает в окружающем мире агрессию и неминуемо притягивает к ним узурпаторов, унижение, насилие и боль. Страх разрушает их душу. Еще с детства я отметила, что людей, которые выбирают пассивную роль игрушки в руках «недоброй судьбы», вокруг очень много. Природа эту роль «не любит», рано или поздно, возникнет сила, наносящая «страдальцу» удары, пока не заставит его взбунтоваться и подняться с колен, а если нет, она изрыгает его из чрева жизни, как никчемный элемент.

Спустя много лет, уже в Израиле, мой раввин-учитель сказал, что весь мир, всё, что мы видим вокруг, существует только внутри нашего сознания, и единственная сила во вселенной, способная что-то изменить, – это сила намерения, она и пробуждает волю.

«В этой собаке ты вознамерилась искоренить, уничтожить

то свойство внутри себя, которое так ярко видела в ней. Сила намерения оказалась столь неумолимой, что захватила всё твоё существо. Но нет ничего лишнего в душе человека. Бывают периоды, когда необходимо временно прекратить влияние на нас тех или иных свойств. Рано или поздно это свойство может вновь проявиться, и ты должна будешь осознанно «воскресить», прожить и понять, в чем его подлинное предназначение. Написано: «Через исправление самых темных мест раскрывается и постигается самый большой Свет...»

Спустя несколько лет тайна, хранимая образом «псины» в потаенных уголках моего сознания, наконец, раскрылась мне. Это было на одной из динамических групп*, которые я проводила. В ней участвовал молодой человек больной раком. Заболевание на серьезной стадии, врачи давали пятьдесят на пятьдесят, что он пойдет на поправку после химиотерапии. Он был очень изнуренным: худой, впалые щеки, выпавшие волосы, одежда мятая и бесформенная. Понурый и пассивный, весь его вид выражал жертвенность и смирение с судьбой. Он долго пытался доказать мне, что уже принял смерть, что у него нет сил и желания бороться, что в его жизни нет смысла.

* *Динамическая группа* – форма психотерапии, когда собирается несколько человек с целью получения помощи в решении своих проблем.

Я ответила, что это нелогично, ведь если бы у него не бы-

ло воли к жизни, он не сидел бы сейчас здесь на группе, а лежал дома или прыгал с крыши. Судя по всему, именно надежда и сомнения привели его сюда. Он ответил, что люди от него шарахаются, семьи у него нет, в результате болезни он потерял работу, он потерял всё. «Что же осталось, что меня удержит?» – спросил он.

Я ответила: «Жизнь, жизнь как таковая!» Он не понимал, о чем речь. «Пятьдесят процентов шансов – это очень много. Это значит, что Жизнь хочет дать тебе выбор». Но в его глазах по-прежнему был вопрос.

Порой действие говорит само за себя, оно сильнее слов. Доверившись интуиции, я выбрала из круга другого участника, именно того, кто был молод, сочился здоровьем, а еще испытывал сильный страх и брезгливость по отношению к больному. Взяв здоровяка за руку я сказала нашему доходяге: «Представь себе, вот он – это Жизнь и воплощение здоровья, он будет отбиваться от тебя, испытывать отвращение к тебе, но ты должен вцепиться в него и не отпускать, ни за что не отпускать, держать Жизнь со всей силой!»

И тут произошло чудо прямо на моих глазах, не успела я закончить фразу, как больной мертвой хваткой вцепился в ноги здоровяка и тот, объятый отвращением и ужасом, полностью потеряв контроль, стал яростно отбиваться. Он выкрикивал оскорбления, унижения, хлестал по щекам, отпихивался, орал «твое место на кладбище, падаль, уйди, уйди, ты мне противен. . .» И когда здоровяк, от страха «заразиться

смертью», начал плевать доходяге в лицо, я вдруг увидела в том больном парне «псину» моего детства. «Псину», которая боролась за жизнь. И в тот момент она «реабилитировалась» в моей душе. Я увидела, как на бледном изможденном лице проступило выражение воли и вселенского покоя, парень, не замечая плевков, железной хваткой вцепился в ноги здоровяка. Буквально на глазах его лицо порозовело и просветлело. Я видела, что никакая сила сейчас не способна оторвать его от Жизни! Да, он стоял на коленях, вцепившись в ноги, да ему плевали в лицо, но его дух парил высоко под небесами. Выше унижений, выше боли, выше страха, выше гордыни! Он был в этот момент в мире полной свободы, в мире причин и выбора, и там, несмотря ни на что, он выбрал Жизнь...

С тех пор та «псина» обрела свое место в моей внутренней вселенной. Я поняла истинное предназначение свойства, которое она выражает. Спасибо этой нехитрой животной душе за важный урок.

А того парня я встретила через несколько лет. Он шел с моря, на шортах мокрые пятна от плавок, волосы отросли и бахромой свисали вдоль лица. На плечах он нес кучерявого, смеющегося во весь голос карапуза, как две капли похожего на него...

Он прошел мимо, не узнав меня. Глядя ему вслед с улыбкой, я подумала: «Как всё же хорошо, что он выбрал Жизнь, а она выбрала его...» Забота без посредников

Я часто думаю: были же времена, когда мир порождал души, подобные моей бабушке. Они видели столько горя, столько ужаса, пережили войну, голод, смерть близких! Но их сердца по-прежнему оставались наполненными теплом и светом. Сталкиваясь с жизненными невзгодами, не теряли они своей простой веры. Думаю, это потому, что они умели чувствовать Живого Бога, не образ, а именно живую энергию любви, которая разлита в окружающем мире и в них самих.

Во времена моего детства случилось на нашей улице несчастье: остались трое детишек сиротами. Сначала отец погиб – заснул за рулем, дальнобойщиком был. А потом и мать захворала, помучилась немного и скончалась бедная.

Всей улицей на похороны пришли, ну и мы, детвора, под ногами толкаемся. Стою, смотрю на сирот этих — мал, малой, меньше. Старшему девять, младшему пять. И так мне их жалко стало — ужас! Стою и реву. Такая злость меня взяла, что же за несправедливость-то такая! Бабушка мне всегда говорила, что Бог — Он добрый, творит только добро, но мы не всегда понимаем Его замысел сразу. «Какой же Он добрый?» — подумала я.

Гляжу, а в стороне стоит моя бабушка и смотрит так спокойно, безмятежно, лицо светлое. Подошла к ней и спрашиваю: «Бабушка, скажи, почему Бог такой злой, зачем он убил маму этих несчастных детей, она ведь молодая была, а они такие маленькие! Как же они теперь?»

Она посмотрела на меня печально и ласково-ласково. Погладила по голове.

— Когда Бог посылает души детей в этот мир, он выбирает для них родителей согласно своему замыслу. Родители должны заботиться и передавать свой опыт, воспитывать и направлять. Бывает и так, что родители даны для того, чтобы пройти необходимые испытания для взросления и формирования воли ребенка. Всякое бывает. Одно точно могу сказать: ничего случайного не бывает, если Бог вдруг решил забрать родителей, это может означать только одно...

— Что же это, бабушка? — нетерпеливо выкрикнула я сквозь слезы.

— Это значит, детка, что Он решил лично позаботиться об

этих душах, без посредников, напрямую.

– Лично?! – я аж подпрыгнула от удивления.

– Да. И есть такие люди, кому удается это понять, и тогда они доверяют происходящему, несмотря на боль потери, начинают видеть знаки и следовать указаниям вселенной, – тихо проговорила она.

– И что с ними происходит? – спросила я.

– Например, среди них было много великих людей!

– Бабушка, а что же будет с теми, кто этого так и не узнает, не поймет?! – заволновалась я.

– Чаще всего они несчастные, блуждают в темноте, всю жизнь сокрушаются, винят злую судьбу, жалеют себя.

Мои слезы высохли. Я притихла и задумалась. «Надо обязательно нашим сиротам рассказать, что Бог теперь сам о них заботиться будет!» – подумала я.

А через несколько лет мне и самой пригодилось мудрое наставление бабушки. Тогда пришлось выбирать, как теперь, после ранней смерти моих родителей, относиться к своей жизни. И я выбрала довериться Ему. Он привел меня в Землю Обетованную и окружил людьми, ближе которых не бывает. Меня словно качали на руках, с заботой, как младенца. Столько тепла я не получала в своей жизни никогда. Там и обрела свой истинный дом.

Вот тогда-то я и поняла, что вселенная посылает помощь заранее, задолго до того, как она нам понадобится. Главное – не пропустить знаки этой трепетной любви... Розовые ле-

пестки

«Всем, кого люблю...»

Когда мне было лет пять, к бабушкиной соседке приехал погостить внук. У меня почти не было друзей, так как детей в округе было очень мало, я всё время старалась подружиться с новым мальчиком. Предлагала ему свои игрушки и всегда придумывала, чем бы нам заняться. Он был избалованным, всё время капризничал и обижался на весь мир, я же старалась его отвлечь и утешить. Но от него ничего не возвращалось, он оставался отстраненным и равнодушным, принимая от меня всё как само собой разумеющееся, ничего не предлагая взамен. Мальчик вел себя так, словно весь мир ему должен. Я расстраивалась и ходила понурая. Бабушка долго наблюдала за тем, как разворачиваются события, и молчала. И вот однажды, в очередной раз несолоно хлебавши, я вернулась домой от «бессердечного» своего соседа, и так мне было обидно, что я горько расплакалась.

На улице тем временем погода, словно прочитав мое состояние, тоже решила нахмуриться. Небо затянули свинцовые тучи, задул сильный ветер и начал раскачивать деревья в саду. Посмотрев в окно, я разрыдалась пуще прежнего.

Бабушка тихонько подошла ко мне и позвала с собой на улицу. Я нехотя поплелась за ней вслед. Она попросила меня нарвать немного белых лепестков чайных роз, что росли в нашем саду. Тут же перестав реветь, заинтригованная, я пошла выполнять её просьбу. Ветер дул с такой силой, что бук-

важно вырывал ветки розового куста из моих рук. Набрав полные пригоршни, я вернулась к бабушке.

– Пошепчи, расскажи о своих печалях лепесткам и отпусти их по ветру, – сказала она. Мне стало еще интереснее, и я всё послушно исполнила. Как только разжались мои пальцы, ветер подхватил душистый дар и понес прочь. Глядя вслед улетающим лепесткам, мне почему-то стало очень спокойно. Бабушка тем временем вернулась в сад и нарвала еще целую пригоршню. Встала спиной к ветру, отчаянно трепавшему её волосы и платье. В тот момент она была похожа на колдунью из сказки, управляющую ветрами.

– А теперь лови! – сказала она и бросила мне лепестки. Ветер понес их в мою сторону, и я успела поймать несколько, с восторгом глядя на белый душистый дар, который вдруг снова оказался в моих руках.

– Отдавая любовь, не жди, что она обязательно вернется к тебе из того же места. Просто отдай, отпусти всё без сожалений. Порой, она приходит к нам с совершенно другой стороны, откуда мы её и не ждем вовсе. Совершив деяние и описав круг, она всегда возвращает свои дары, а то и во сто крат больше...

Часть вторая:
Пути Любви
— и поиски,
и бегство

Раба любви

Знавала я одну интереснейшую женщину, она была очень умна, успешный адвокат, не проигравший ни одного дела. Была у неё одна особенность – хриплый, низкий, очень сильный и глубокий голос. И курила она как грузчик.

Её муж тоже был известным человеком – талантливым хирургом. Семья была довольно крепкой. Но в какой-то момент супруг умер от инфаркта, после чего она несколько лет прожила одна. Надо сказать, что в этот период её дела были особенно громкими, она слыла блестящим оратором.

Эта женщина не была красавицей, но было в ней что-то очень притягательное, природная харизма, дикая мощь. Так вот, ей близилось к пятидесяти, и вдруг на большом конгрессе она познакомилась с мужчиной, который был моложе её на пятнадцать лет и очень хорош собой. Он подошел после выступления и сказал, что она была просто «обворожительна». Он так восхищенно смотрел, что её суровое сердце дрогнуло. У них случилась страстная ночь, и со всей силой женского своего «заката» влюбилась она без памяти. Её душа «расползалась по швам», источая потоки нежности. Она хотела быть с ним всегда, знать все его мысли, она заглядывала ему в глаза, ожидая увидеть в них любовь, страсть, восхищение... Ради этого взгляда, который увидела тогда на конгрессе, она готова была сделать всё, что угодно. Но, чем большей страстью и привязанностью она пылала к юноше, тем меньше становился его интерес к ней. Она же, напротив, готова

была служить ему подобно рабыне.

Постепенно он и вовсе перестал восхищаться ею и начал искать всевозможные изъяны: слишком большое родимое пятно, слишком жесткие волосы, слишком заметные морщины под глазами, слишком, слишком... Она же бросалась каждый раз исправлять недостаток. За время их отношений, которые длились не более двух лет, она сделала несколько пластических операций на различные части тела, но, увы, прекрасный юноша был всё холоднее. И вот однажды он сказал, что ему ужасно мешает её Голос! Он такой хриплый, слишком громкий, сказал, и не дает ему видеть в ней хрупкую, беззащитную женщину. Недолго думая, она решилась делать операцию на голосовые связки и обратилась к хирургу с просьбой изменить их. Врач её долго уговаривал не делать этого, даже привлек к работе психолога, но она была непреклонна и ради любви готова на всё!

Закончился послеоперационный период. И, о чудо! Её голос стал нежным и тонким, значительно тише, сексуальнее, женственнее, как сказал потом её «кумир».

Через пару месяцев возлюбленный оставил её, сказав на прощание, что совсем потерял к ней интерес и уважение и теперь не может восхищаться ею.

Женщина почувствовала себя так, словно её бросили в ледяную воду, сердце разбилось о его равнодушие. Вот-вот её поглотит отчаяние... Но нет! Она собрала всё мужество в кулак, чтобы пережить потерю и унижение.

Что ж, ей не впервой. Месяц депрессии в закрытой квартире, месяц ужасной пустоты и боли в груди, и «надо найти силы жить дальше».

Слава богу, оставалось Призвание, накопилось много дел. Она с головой ушла в работу, забыв о боли и унижении. Предстояло крайне сложное дело. Для своего выступления в суде она подготовила блестящую речь, учла все нюансы, продумала каждую мелочь.

Настал решающий день! Зал суда просто лопается от набившихся туда слушателей, жаждущих увидеть «адвоката-звезду». И вот приходит время её выступления. Текст безупречен, каждое слово будто высечено в камне, однако, в её голосе уже не было прежней мощи kloкочущего вулкана, который продавливал реальность своей несокрушимой силой и подчинял сознание слушателей своей воле. Не ураган, а легкий нежный ветерок. Увы, это дело она проиграла.

Через несколько лет я увидела её случайно во время посещения психиатрической больницы. Она никого не узнавала. Медсестра сказала мне, что подопечная часто просыпается по ночам от кошмаров, ей снится, что она потеряла свой Голос – но, на самом деле, это был не просто голос, а Душа. И теперь она не знает, как найти ее, как вернуть... Духи

У каждого человека есть свой способ хранить воспоминания. Кто-то создает альбомы с фотографиями, кто-то собирает безделушки, напоминающие о чем-то важном, давно пережитом, кто-то делает записи в социальных сетях или просто ведет дневник.

Для него же это были духи. Да-да, именно духи. За многие годы их собралась целая коллекция! В разноцветных склянках были «запечатаны» его самые приятные воспоминания.

С некоторых пор каждый его день был похож на предыдущий: пробуждение, утренняя сигарета, кофе... Глядя на большие деревья за окном, он глушил в себе неясное чувство тоски. Курение помогало – дым заполнял внутреннюю пустоту.

Дом – холостяцкая берлога, где у каждой вещи свое место. На первый взгляд могло показаться, что в нем давно не было жильцов. Так бывает, когда хозяева уезжают на несколько месяцев. Статуэтки, вазы и искусственные цветы в них – всё покрыто пылью забвения. Лишь в одном уголке теплилась жизнь – там, где находился аквариум с маленькими неприхотливыми рыбками, которых он исправно кормил.

Из окружения как-то незаметно ушли друзья: они женились, погрузившись в свои семейные хлопоты, а общие темы для разговоров постепенно улетучились. С родственниками душевной близости никогда не было. Заводить новые знакомства ему не хотелось, да и вообще, он не особо любил людей. Зато любил музыку, особенно Шопена, находил в ней утешение, играя на фортепиано.

Он довольно хорошо себя знал и чувствовал момент, когда вот-вот неясное томление начнет причинять боль. Это был знак, что пора выходить на охоту. Он это называл «выйти по нужде». Этакий милашка, он принадлежал типу мужчин, которые быстро нравятся женщинам своим скромным обаянием и налетом детской ранимости, сквозившей в каждом движении.

Волнение, жажда теплоты, осторожное сближение... Каждый раз для него это было связано с большим душевным усилием и, в то же время, удовольствием. За много лет он понял, что именно нужно говорить, и как сделать так, чтобы душа женщины распахнулась навстречу. И когда, наконец, «цветок раскрывался», он вдоволь наслаждался ароматом любви. А дальше... Дальше начинался внутренний отсчет, ведь каждая роза имеет лишь определенное время цветения. Тут важна точность ритма приближений и отдалений, позволяющего продлить зыбкое очарование загадочности.

В отношениях для него имела ценность только весна. Память услужливо фиксировала сладостные моменты близости.

сти. Он стремился запечатлеть каждое мгновение. Фотографировал ее, когда она светится, просил, чтобы она шептала ему слова любви. Умолял остаться с ним на всю жизнь, выражал свою страсть чувственными вздохами и заставлял дрожать в полной обнаженности её душу и тело. Он говорил, что не представляет себе жизни без неё, что скучает по её аромату, когда её нет рядом, и просил подарить ему её духи.

У одних женщин пора цветения свежей влюбленности длилась довольно долго, месяц или два, другие буквально вспыхивали и сгорали за несколько дней. Но все они дарили ему волшебство и наполняли темную пустоту души.

Однако, рано или поздно, всё же наступал день, когда пора цветения заканчивалась. Первые лепестки опадали на грешную землю. И тогда он знал, что надо спешить, так как не хотел видеть женщину в состоянии, когда опавший розовый аромат обнажит её боль и беспомощность.

На этот случай у него тоже существовал готовый набор фраз: «Я понял, что еще не готов к отношениям», или «Ты такая светлая, чудовище как я, не достойно тебя», или «Я – старый холостяк, слишком поздно что-то менять», или... просто бесследно исчезал без всяких объяснений.

Очередной весны, что он проживал, хватало на полгода или чуть больше. И порой вечерами, открыв шкаф с элегантными склянками, он доставал одну за другой, вдыхая ароматы своих «возлюбленных»... В памяти всплывали женские лица, их шепот, дрожащие ресницы... Ему представлялось, что дорога, по которой он идет, устлана их свежими цветами. Это было немного грустно, но всё же поэтично и прекрасно...

Как-то в их отдел устроился работать армейский друг, которого он не видел многие годы. Как не отметить встречу! Он пригласил мужчину к себе. Сидя за бокалом вина, они смеялись и вспоминали молодые годы. В какой-то момент ему безумно захотелось поделиться своими «сокровищами», и он распахнул дверцы заветного шкафа...

Гость терпеливо слушал истории, разглядывал фотографии его «цветника». Потом они долго молчали... И друг, наконец, сказал: «Так ты действительно думаешь, что эти «цветы» устилают твой путь? Я думаю иначе. Похоже на то, что они устилают дорогу на кладбище, куда под грустную музыку Шопена движется твоя похоронная процессия...» Улыбчивый Жора или история о потерянном «Я»

Этот рассказ про одного очень странного человека, которого все называли Улыбчивый Жора. Такое у него было прозвище.

С самого раннего детства Жора привык быть в центре всеобщего внимания. Мама, папа, брат и младшая сестра все-

гда были заняты только им. Поначалу потому, что он очень громко плакал, и стоило ему только на секундочку почувствовать, что про него забыли, мальчик тут же спешил напомнить о себе громкими воплями. А всё потому, что в одиночестве его охватывал страшный, леденящий душу ужас. Маленький Жора чувствовал, что как только на него перестают смотреть, он словно исчезает. Ему казалось, что без реакции окружающих его и вовсе не существует. Заглянуть же внутрь себя и найти там опору своему бытию он даже не пытался. Потому и находил любой повод, чтобы обратить на себя внимание, раздражением или гневом, смехом или радостью, вызвать недоумение или восхищение – главное чувствовать, что он – Жора, центр мира, что Он Есть! И для этого ему как воздух были нужны глаза и уши окружающих людей, а главное, их живые эмоции. Со временем он научился находить самые удачные формы поведения, чтобы привлечь внимание и заставить ярко реагировать на себя. И приклеилась к его лицу вечная улыбка, так как однажды он понял, что больше всего нравится окружающим, когда улыбается. А еще Жора понял, что так их легче ошарашить резкой сменой настроения: с милого, всё понимающего – до вопиюще жестокого и холодного. От неожиданности люди быстро теряли контроль и «обнажались» для его манипуляций: кто в своем недоумении, кто в боли, кто в испуге, кто в обиде.

Они становились совершенно беззащитными в такие моменты, и можно было наговорить им с три короба, чтоб на-

долго запомнили. Так Жора чувствовал, как между ними образовывалась мысленная связь, и это странным образом питало его существование. Чем больше людей о нем думало, тем реальнее он себя ощущал.

Фальшивая улыбка так въелась в лицо, что это было даже жутковато: когда злился, он улыбался, когда плакал, он тоже улыбался.

Несложно догадаться, кем Жора мечтал стать! Конечно артистом! Овации, восхищенная публика, слава и всемирная известность – вот его заветная мечта. Тот факт, что за знаменитостями следят, пардон, даже в сортире,

а что еще хуже – во сне, возбуждал его особенно сильно. Ведь он будет объектом наблюдения огромного количества людей! Что же могло быть лучше для его мерцающего, полностью зависимого от окружения «Я»?!

Так и пошел наш Жора учиться в театральный институт. И поначалу всё было просто прекрасно! Парень подавал огромные надежды, был любимцем преподавателей и сокурсников. К каждой роли он подходил фанатично и основательно, погружался в неё, сливался с ней, и порой уже невозможно было различить, где он сам, а где его роль. Жора хватался за всё подряд, репетировал без каникул и выходных, до полного изнеможения.

Сцена! О, сцена! Она манила его, притягивала как магнит. Он был влюблен в себя на сцене. Энергия, идущая от воз-

бужденной публики, питала его. Без неё он не жил, словно вампир без свежей крови жертвы. Но по-прежнему, стоило ему остаться одному, как снова липкий ужас небытия обволакивал и душил его своими ледяными щупальцами. Потому Жора делал всё возможное, чтобы не оказаться в одиночестве даже на минуту и не столкнуться с зияющей пустотой внутри. Благо, его образ жизни для этого был более чем подходящий. Постепенно он стал зависеть от мнения окружающих и оголился эмоционально настолько, словно у него не было «кожи». Он делал всё, чтобы произвести впечатление. Если же люди реагировали на него не так, как ему хотелось, а еще хуже, с критикой, его било словно электрическим током. Он становился более вспыльчивым, устраивал скандалы, и люди стали избегать его. В один прекрасный день, капризная Фортуна и вовсе отвернулась от Жоры. Его вызвал заведующий кафедрой и сказал: «Ты стал терять себя в ролях и забывать, кто ты такой. Оставаться в этой профессии опасно для твоего психического здоровья. Прошу тебя, напиши заявление, что хочешь оставить институт по собственному желанию». «Для тебя же лучше!» – крикнул зав вылетающему пулей из кабинета Жоре.

Да! Прощай, институт, прощай, великая слава гениального актера!

Разочарование, крушение всех надежд придавило Жору словно каменной плитой, это состояние переходило в вялость и бессилие. Но он боролся. Его мозг напряженно ра-

ботал, чтобы найти выход. Он отчаянно пытался зацепиться хоть за что-то во внешней реальности, но миру до него не было никакого дела. И так, постепенно Жора стал творить внутри себя воображаемый, спасительный мир.

Несколько месяцев прошло как во сне. Всё, что он говорил о себе, относилось к его выдуманному собственному образу, который возник внутри, но, увы, этот образ теперь не имел ничего общего с реальностью.

Постепенно Жора совсем перестал осознавать связь между тем, что происходит с окружающими людьми, и своим поведением. Он был абсолютно уверен, что безупречен, красив, деликатен и смел, это просто люди слепцы да глупцы и проецируют на него свое уродство.

Со временем боль вовсе утихла. И Жора понял, что необходимо перебраться в место, где его не знают, и переехал в другой город. Тут никто не был знаком с его уловками, и все приемы проходили на ура. Обрел он и свое место под солнцем – стал «консультантом по особым вопросам». Он находил сильных духом смельчаков, амбициозных деятелей, про которых обычно говорят – «поцелованные Богом». Такие люди неугомонны и всегда в поиске новых горизонтов. Жоре необходимо было стать большим умником, чтобы сначала «правильно пристроиться», а затем буквально слиться с ними, так же как со своими ролями. Он жадно впитывал их личную историю, их интуитивно найденные приемы и секреты успеха. Он стремился различить механизмы, уловить

суть, как именно работают у этих людей Богом данные таланты, а затем найти слабые точки их личности.

Тщательно собранную информацию он структурировал в целостную систему, которую продавал им же как гениальный индивидуальный подход. Метод, который Жора предлагал должен был якобы «помочь» в дальнейшем развитии их деятельности и способствовать еще большему успеху «жертв». Этаким «план жизни» – персональный путь на Олимп! Этот подход работал безупречно по двум причинам: во-первых, «заказчикам» всё очень нравилось, потому что, в каждой детали они узнавали себя, а во вторых, Жора был непревзойденным льстецом. Он умел раздуть Эго и чувство величия своих клиентов до невероятных размеров. Они, словно мухи в меду, вязли и тонули в его сладких речах. «О! Мне так близко то, что ты говоришь!» – часто восклицали они и покупали услуги «великого консультанта» за большие деньги.

Эта «профессия» давала Жоре главное – постоянную изматывающую занятость, чтобы не было времени побыть наедине. В конечном итоге его «заказчики» уже не представляли себе жизни без нового улыбчивого «друга» – он должен был находиться рядом практически постоянно. И всё у него прекрасно получалось, будто для этого хитроумного занятия он и родился.

Но вот беда, и тут у Жоры не оказалось достаточных границ. Он постепенно вживался в плоть и кровь своих клиентов словно паразитирующее растение, пока не почувствует,

что они стали одним целым, более того, что это именно он и создал их, и всё, чего они достигли тоже. Все их победы Жора записывал на свой счет и, как следствие, стал возвышаться над ними. Он делал всё, чтобы убедить их в том, что без него они – «ничто» и не смогут самостоятельно развиваться.

Но «поцелованные Богом люди» хранимы и благословлены свыше, и им, в конце концов, хватало ума и сил разорвать пуповину зависимости. Ведь такие отчаянные как они не боятся ходить напролом без всякого плана и рисковать всем, что у них есть. Эх, пронесет! И, как правило, действительно пронесит.

Сколько не улыбался наш Улыбчивый Жора, а с возрастом стал понимать, что ничего-то своего у него нет. Так и не создал он прочной основы внутри, и по-прежнему, оставаясь в одиночестве, всё больше чувствовал свое небытие.

Сильные мира сего медленно, но верно, переставали в нем нуждаться.

Он угасал и старел, двигаясь к бесславному концу. Но вот однажды, Господь послал ему встречу с удивительной женщиной. Она была странной чужестранкой, полной свежей энергии и мудрости своей далекой теплой страны. Он испытал подъем. Узнавая её, Жора словно погружался в бездонную глубину океана.

И наш улыбчивый герой воспарил к новой жизни. Ему даже показалось, что он действительно влюблен! Опять весь мир смотрел на него и завидовал: молодая, прекрасная,

необычная, и вся она его и только его! Ощутив былую силу, стал он «упиваться» чужестранкой допьяна, уж больно её «кровушка» была свежа да хороша.

Опять Жора слишком увлекся и не заметил, как стал подминать её под себя, возвышаясь и раздуваясь в привычной своей манере. Ну, право же! Что за безобразие! Уж слишком яркая она оказалась: всё внимание люди уделяли ей, а он всё время оказывался в стороне, не у дел.

Ну, уж нет, пусть все знают, что это она его великого боготворит, что это она служит ему, подобно рыбке золотой на посылках. Чужеземная принцесса —

лишь обрамление для его сияющего алмаза гения! «У меня и раньше было всё то, что она якобы «привнесла» в мою жизнь, я это знал, просто забыл, а она мне напомнила, вот и всё!» – убеждал он сам себя. Одним словом, получилось как всегда – пристроился «улучшать» её структуру заморскую, да и не заметил, как начал самоутверждаться за её счет.

А женщина тем временем буквально угасала рядом с ним. На лице всё чаще появлялось выражение глубокой печали и разочарования. Он же продолжал провоцировать ее, выбивать из колеи, резко менять свои состояния, стремясь захватить её внимание, ведь чем больше она спорила, плакала, кричала, тем лучше он себя чувствовал.

Получая её внимание любой ценой, он как вампир, напившийся свежей крови, молодец и продлевал свою жизнь. Жо-

ра чувствовал женщину каждой фиброй души: знал, как заставить её себе поверить, как расслабить, всегда предугадывал, что именно она хочет услышать и говорил это в нужный момент.

Его страшно увлекала эта игра, эта битва за свое Я. Он снова чувствовал себя бодрым и полным сил. Эх! Всё только начинается! Позабавимся, птичка?! Вместе с этим Жора продолжал жить в воображаемой реальности, где он – прекрасный и благородный герой. И никак не мог понять, почему же эта странная особа всё больше плачет и болеет!

А горечь её тем временем всё росла, но Жора оставался глух к мольбам. Сердце женщины, прежде полное любви, постепенно сдавили стальные тиски отчаяния, и со временем любовь задохнулась и умерла. А он по-прежнему говорил всем вокруг о том, как всё прекрасно между ними, что они – идеальная пара и просто созданы друг для друга, а она выдумывает «женские глупости».

Однажды утром он проснулся и зажмурился от солнечных лучей, заливающих комнату. Кругом было очень чисто, всё разложено по местам. В доме пусто и тихо-тихо. В комнате стоял запах свежести, будто после грозы. Женщины в доме не было, он сразу это почувствовал.

На столе лежала записка: «Прости, я так и не смогла понять тебя, не смогла найти тебя настоящего. Не ищи меня. Прощай».

А что же наш Жора? Он просто сидел с улыбкой. Какая

эмоция скрывалась за ней? Может горечь и боль, а может он опять играл в какую-то новую, одному ему известную, внутреннюю игру. Улыбающаяся маска приросла к лицу, и уже невозможно было разобраться в происходящем даже ему самому, слишком давно он заблудился в своих ролях.

И если бы кто-то всё же попытался помочь ему, он бы наверняка не поверил, ведь в его блистательном мире он – гений, а все остальные люди – слепцы да глупцы, живущие в своих собственных пустых проекциях... Стоп-кадр тоскующей души – незавершенные движения любви

«Стоп-кадр тоскующей души» – так я про себя называю удивительную способность некоторых людей в бегстве от боли умножать её. Дубль первый

Он был из той породы мужчин, глядя на которых сразу понятно – вожак. Коренастый, взгляд тяжелый и волевой, исподлобья. Его жена – этакий тоненький стебелек, тянущийся к свету, – смотрела на него преданными собачьими глазами, полными беззаветной любви.

– Слушаю вас, – сказала я.

– Что ж, я начну. У нас нет взаимопонимания, и мне надоело видеть её вечно несчастное лицо, – пробурчал он, – она всегда недовольна. И раз уж ей со мной так плохо, я хочу развестись. Не понимаю, зачем мучиться?! Куда она смотрела, когда замуж за меня выходила?

Она закрыла лицо руками и вся поникла.

– Мне нужна Женщина! Моя женщина, которая всегда

принимает меня таким, какой я есть, которая рядом, которая ровня мне. Хоть Вы-то, понимаете меня?

– Но ведь мы были счастливы. Я стараюсь. Что я делаю не так? Я так люблю тебя – лепетала она, но он не слышал её.

– Это ваш первый брак? – поинтересовалась я.

– Нет, не первый, четвертый, – повисла долгая пауза. Пристально глядя мне в глаза, он наконец озвучил свой вопрос, – а почему вы спросили? Причем здесь это?!

Этот мужчина вырос в интернате, мать оставила его там совсем маленьким. Приходила раз в неделю или реже. Была всегда холодна. Он прошел через все муки жизни сироты, через жестокость детей, через побои, унижения, тотальное одиночество и боль. Сколько движений совершила его дет-

ская душа навстречу матери в поисках тепла и пристанища, трудно представить. А потом так и застыла она в незавершенном своем движении любви, на сорок с лишним лет...
Дубль второй

Она смотрела на меня словно через пелену, через туман грез, что проносились перед её взором. Это была женщина, рядом с которой постоянно возникает ощущение, будто она смотрит сквозь вас, куда-то вдаль. Чем дольше я слушала её неспешное повествование, тем холоднее, тем неуютнее мне становилось.

Её тонкие руки театрально порхали, словно мотыльки вокруг пламени, речь, выверенная и отточенная, гротескный наряд. Шляпа с широкими полями лежала рядом на столе, кружевная пена на оборках юбки. Во всём образе сквозил тончайший налет, еще штрих и будет вульгарно. Всё на грани...

– Понимаете, я не могу сидеть на месте, я меняю дом за домом, мне нравится получать заказы в разных городах. Новый контракт – это всегда предвкушение приключения. Каждый раз новые впечатления, новые люди, новые эмоции... Я обожаю жизнь во всех её проявлениях, в ней всегда всё меняется, – глядя сквозь меня широко открытыми стеклянными глазами говорила она.

– Не скучаете по дому? – спросила я, чтобы хоть как-то стряхнуть странное оцепенение, которое постепенно начало меня обволакивать.

– Дом? – она задрожала, ресницы вспорхнули вверх. И вдруг быстро затараторила, – Дом у меня внутри, он всегда со мной. Я люблю мои картины и мешочки с лавандой. Я люблю моих собак – Милу, Чарльза, Жужу и Марсика. С самого детства они со мной, вы же помните, я вам рассказывала, их мне подарил отец. Боже! Как долго я просила у него собаку, несколько лет. А тут, он взял и купил мне сразу четырех щенков. Это был самый счастливый день в моей жизни...

Через день её отец ушел. Ушел внезапно, трагически, глупо. Он обожал её. Боль потери была такой сильной, практически невыносимой. Тепло, близость, забота, что он давал ей, внезапно оборвались. В сердце возникла зияющая, темная пустота...

Каждый раз она усыпляла своих собак. Переезжала и за-
водила точно таких же, новых. И для неё это были прежние
Мила, Чарлз, Жужу и Марсик. Те, которых подарил ей отец
тогда, в далеком детстве. Как только возникала нежность и
привязанность к питомцам, она испытывала страшную тре-

вогу и чувствовала потребность переехать, прервать мучительную близость, затушить тот слабый огонек любви, чтобы не стать, боже упаси, уязвимой, раненой, опять, как тогда...

Снова и снова – упоительная потеря и радость «встречи» с отцом... Незавершенное движение любви – стоп кадр тоскующей души... Дубль третий

Он не мог не курить, просто не мог. Он чувствовал себя голым, если клубы дыма не окутывали его словно утренний туман. Голос глубокий, утробный, большие, печальные, пронизательные глаза. Во всем облике сквозила какая-то надломленность, снаружи прикрытая небрежной надменностью. Он выглядел значительно старше своего возраста: в висках седина, поза полна усталости. Вся его фигура напоминала одинокое дерево, что растет на вершине горы, искореженное ветрами, оно льнет к земле и всеми корнями цепляется за камни. Рассеянным взглядом он смотрел внутрь себя.

– Каждый раз всё происходит одинаково. Страсть, вспышка, невероятная близость. Всё ярко, романтично, красиво, глубоко. Но потом они начинают претендовать на мою свободу, и, хуже того, они обижаются, что им не хватает моего внимания. Но я ведь даю им столько, сколько могу! Мы так много говорим, я им рассказываю о том, как это здорово скучать друг по другу, и они вроде бы соглашаются.

– Что же происходит потом? – спросила я.

– Потом? А потом всё резко обрывается, и они сразу же выскакивают замуж. Вы это понимаете? Почему они это де-

лают? Я нет, никогда не понимаю. С меня хватит, теперь я решил, что вот так больше не будет.

– Что объединяет всех этих женщин, какие черты?

– Они очень интересные, самостоятельные, яркие, взрослые. Я всегда рассчитываю на то, что они будут вести себя осознанно и зрело, а они вдруг впадают в детство и начинают ныть.

– Эти женщины обычно старше Вас?

– Обычно да. Потому-то я и ожидаю от них совсем иного поведения...

Он родился как-то случайно. Мать всегда была увлечена собой, карьерой, славой, властью. Иногда он с умилением рассказывал о том, как утром, когда богемная её компания засыпала в пьяном угаре, он, четырехлетний мальчик, бродил среди грязной посуды и распластанных тел в поисках еды. Её так часто не было рядом. Свобода и искусство – вот кумиры, которым она служила.

Теперь все его отношения с женщинами – это вечный вызов и месть ей. Избранницы всегда подобны его матери. Как только возникает подлинная близость, он всегда ускользает в погоне за своей высокой целью, за великой идеей очередного кино или спектакля. Он принадлежит только богу по имени «Искусство». Всё внезапно обрывается, он вдруг не отвечает на письма и смс именно тогда, когда это больше всего нужно женщине. Конец заведомо известен. Упоительное мгновение – победа! И вот теперь это она тоскует по нему в неведении, это она – мама в лице очередной женщины – томится от одиночества, а он – на просторах своего Пути, в «храме» искусства, прекрасен и недостижим...

Сколько таких историй можно рассказать? Бесконечное количество!

Я часто задаю себе вопрос, почему в своем стремлении убежать от боли и потерь мы порой выбираем самое мучительное место. Снова и снова повторяем эту боль, словно приколотые к стене иглой живые бабочки. Боль творит боль, мы мучаем себя и других, порождая бесконечные незавершенные движения любви...

Казалось бы, всё так просто – сделай то, что не сделала твоя мать для тебя, дай другому то, что не получил ты сам. Останься с этой женщиной и отдай всё свое тепло без остатка...

Позволь себе привязаться к своим питомцам всем сердцем и будь с ними до конца, останься рядом, не покидай их

как твой отец тебя, и ты подаришь своей душе свободу. Вот же она!

Однако люди выбирают страдать и жалеть себя, а не любить и отдавать. Отдавать именно то, чего сами так отчаянно желают. Мы так старательно избегаем уязвимости, которая и есть условие реализации любви. Мне иногда так хочется тряхнуть этих людей за плечи и сказать: «Перестань жалеть себя! Открой сердце для любви!»

Увы... Любовь слышит и отвечает только на своем языке, а язык жалости и страданий ей не понятен.

Так и живем – на волосок от счастья... Всегда – никогда – всегда

Мужчина робко зашел в кабинет, поздоровался и сел тихонько в самый дальний от меня угол дивана. Как-то по школьному положил руки на колени и, опустив голову, сказал приглушенным голосом: «Я всё время думаю о смерти». «Почему?» – спросила я. «Потому что не хочу жизни. Я не хочу жизни без неё. О жизни без неё, мне даже думать больно» – ответил он.

Он сжимал свои руки так, что костяшки пальцев стали белыми. Мужчина пытался справиться с собой, чтобы не заплакать. Было такое чувство, словно его боль заполнила всю комнату, мне показалось, даже воздух стал вязким. Я молча села рядом с ним на диван.

Бывают такие мгновения, когда единственно возможное действие – это просто быть рядом, когда человек утопает в

боли, слова не помогают, они бессмысленны, но молчание, молчание может выразить ваше полное присутствие. Мы посидели в тишине несколько минут. И по его щекам покатались слезы, они падали крупными каплями на брюки, и он завыл глухо, со сжатыми зубами, завыл как раненое животное. Я терпеливо ждала, когда удушающая горечь отпустит его. Немного успокоившись, он снова заговорил хриплым голосом.

– Знаете, все мы в юности мечтаем о любви, мечтаем встретить того единственного человека, с которым хотим прожить жизнь, пройти вместе путь взросления. Мы представляем себе, какими будут наши дети, наш дом, строим планы... Я точно могу Вам сказать, что еще подростком знал какой она будет, та женщина, которая проживет со мной жизнь. Я был уверен, что когда встречу её, то сразу же узнаю, узнаю её из тысячи других...

Он замолчал и стал смотреть в окно. В какой-то момент я заметила, что на его лице появилась улыбка.

– Может быть, не всем суждено встретить свою любовь, но если всё же повезло, и она приходит в нашу жизнь, кажется, вот же оно – безоблачное счастье. Когда я увидел её, мне показалось, что я всё вижу впервые, будто небо до этого не было такого синего цвета, а люди не были такими понимающими. Любовь приходит и меняет абсолютно всё: тот трепет, который наполнил меня, первый поцелуй, её дрожащие ресницы, её запах, непослушный локон волос, её теплые руки.

Господи, она была такая родная... Это невыразимо!

Возможность почувствовать, как бьется ножками в её животе наш ребенок. Все те заботы, которые пришли с рождением детей... Всё это дало ощущение дома.

А потом, знаете, мы и не замечаем, как постепенно близкий человек прорастает в нашу душу, тело, мысли, привычки. В какой-то момент, уже не возможно было вспомнить – а как это было, Без неё? Я уже не мог представить, что когда-то было иначе. Казалось, что так будет всегда, всегда, вечно.

Жизнь вошла в свой ритм, ритм размеренного танца с ней...

Вы, наверное, не поверите, скажете, что так не бывает, но каждый день рядом с ней я был счастлив. Пятнадцать лет непрерывного счастья...

Он улыбался и был где-то далеко в своих воспоминаниях. Я тихо сидела рядом и ждала его «возвращения». В какой-то момент он словно проснулся, и на лице снова появилась горечь.

– Что бы ни говорили, но никогда невозможно подготовить себя к потере родного человека. От этого нет лекарства. Это всегда боль. Боль от невыносимого осознания «никогда». Вы понимаете? Больше никогда я не услышу её голос, никогда она не будет ворчать за мою рассеянность, мы больше не будем ссориться, она не будет улыбаться, глядя на наших спящих детей... Эта оглушающая пустота, к ней просто невозможно подготовиться, невозможно привыкнуть, невоз-

можно оправдать.

Разве мы представляем себе когда-нибудь, что такое может произойти именно с нами? Но это вдруг случается, просто случается и всё. И это случилось со мной: моя супруга, моя мечта, моя половинка умерла...

Всё остановилось и застыло. Наши двое детей осиротели. Они как-то резко повзрослели, их лица стали серьезными, они закрылись в себе. Мы не могли говорить о случившемся, между нами словно выросла стена. Я старался держаться, убеждал себя, что надо жить дальше, но честно говоря, вечером я боялся идти домой, засиживался на работе до ночи, пустой дом без неё угнетал меня. Это ужасное осознание, что ничего уже не изменится... Понимаете? Это никогда не изменится! И теперь, я хочу только одного, пойти за ней. В моей голове только навязчивые мысли о смерти.

– У вас есть друзья, близкие люди, с которыми вы могли бы делиться своими чувствами? – спросила я.

– Это странно, но после её смерти я осознал, что она была для меня всем, у меня практически нет друзей. Я вдруг оказался совершенно один. Мне ни с кем не хочется говорить о том, что я чувствую. Да и вообще, кому есть дело до моей боли.

– Вы сказали, что прожили пятнадцать счастливых лет рядом с вашей женой? – спросила я.

– Да. И теперь меня этого лишили.

– Сколько времени ваша жена болела?

– Год и два месяца, а почему вы спрашиваете?

– Вы прожили с этой удивительной женщиной пятнадцать лет счастья и только год и два месяца боли. Много людей испытывают лишь мгновения счастья за всю свою жизнь. Вам есть о чем рассказать своим детям, своим близким людям. Почему бы вам не поделиться с ними своим счастьем, ведь умение быть счастливым – настоящий Дар...

В тот день он уходил, глубоко задумавшись.

Когда мы встретились в следующий раз, он поведал мне о том, как рассказывал детям историю своей любви, историю встречи с их мамой. Показывал им фотографии и видео, водил их по тайным местам, где прошла их молодость. Вот здесь они первый раз поцеловались, а тут они сидели на скамейке, которая оказалась недавно покрашенной, и они уходили с зелеными полосами на штанах. Здесь он сделал ей предложение...

– Они первый раз смеялись с тех пор, как она умерла, – сказал он. Это удивительно, я и не предполагал, что это так сблизит нас. Я вдруг понял, что никогда по-настоящему откровенно не говорил со своими детьми. У них так много происходит в жизни, а я об этом не знал. Например, дочка увлекается кино, мечтает стать режиссером. Сын пишет стихи. Благодаря им я обнаружил, как много всего я снял на видео! Много счастливых моментов нашей совместной жизни. Она там такая красивая! Представляете, несколько часов видео, хватило бы на целое кино!

– Почему бы вам действительно не сделать фильм, посвященный вашей жене? Вы могли бы делать это вместе со своими детьми. Покажите его людям!

Он долго спорил со мной, убеждал, что это слишком интимно, это никого не касается, кроме семьи. Я предложила ему обсудить этот вопрос с детьми, и пусть они примут решение вместе.

После этой встречи мужчина долго не появлялся. Он по-

звонил мне только через два года. Мы встретились в кафе, и он рассказал, как несколько месяцев они работали вместе с детьми над фильмом, а потом устроили вечер памяти, пригласили туда его коллег, их общих друзей. Он говорил о том, что это был потрясающе теплый вечер.

– Знаете, однажды вернувшись домой, я почувствовал, что всё иначе. Всё изменилось. Я увидел, что в доме чисто убрано, с кухни пахнет вкусностями, мне навстречу выбежали дети, они смеялись. И я понял, что в дом вернулась Жизнь.

Я даже не представлял себе, как на самом деле важно делиться с людьми самым дорогим и сокровенным. Маленькими приятными вещами, такими простыми, такими привычными, что их настоящую значимость мы можем ощутить только тогда, когда их лишаемся. Мы поделились с миром своей любовью к нашей маме, мы просто показали как она нам дорога, – говорил он возбужденно. – И вы знаете, мир изменился, все люди вокруг изменились. Любовь, о которой мы рассказывали, что-то сделала с ними.

После этого вечера памяти к нам в дом пришли мои коллеги, я их ни о чем не просил, они пришли сами, вы понимаете, чтобы просто быть рядом с нами, заботиться о нас. Вместе с детьми они вымыли дом, сготовили ужин. Я вдруг почувствовал, что у меня опять есть семья...

Он продолжал что-то возбужденно рассказывать, перепрыгивая с одной темы на другую. Я смотрела на него и ду-

мала, как всё просто, отдавая другим то, что дарят нам любимые, мы во сто крат умножаем их дары. И чем больше делимся, тем отчетливее ощущаем, что они рядом, всегда рядом. Они живут прямо в нас, и во всех тех, кому мы раскрываем свою душу.

И вот так, совсем не заметно, страшное «больше никогда» становится «теперь всегда»...

Часть третья:
Записи на полях
в дневнике психолога
Коротко о главном

Вина и обида

Вина и обида – две верные подруги.

То люди, глядя снизу, ощущают камень вины на сердце, то, ведомые обидой, обвиняя и раздуваясь от чувства собственной важности, глядят сверху.

Вина и обида, как две сущности, что выпивают энергию жизни, высасывают всю любовь и тепло человеческое, что есть в отношениях.

«Я был не прав, но ты сама меня довела!»

«Это я тебя довела?! Да ты сам вел себя как скотина!!!»

«Я был спокоен, это ты начала меня провоцировать!»

«Возможно, я и вывела тебя из себя, но на это была причина...»

И так далее. Это вечный «пинг-понг»: удар – отбил – удар – отбил...

Как часто я вижу, когда люди, измотанные этой игрой, наконец, смотрят в глаза друг другу на равных, но понимают, что уже поздно. В душе всё сгорело, как после пожара в лесу, и теперь, глядя друг на друга, они уже не чувствуют ничего. И приходит равнодушие.

Многие отдают свою любовь на растерзание этим двум старым «ведьмам-вампиришам» – Вине и Обиде. Иногда есть любовь, которая может продержаться довольно долго в их цепких лапах, а иногда и вырваться из них. Иногда любовь совсем хрупкая, как молоденький стебелек, она умирает очень быстро – одного прикосновения ведьм достаточно.

«Вы за правду или за любовь?» – спрашиваю я на сеансе.

Далеко не всегда люди выбирают быть за любовь. И тогда они приносят её в жертву алчущим крови вампиршам. В итоге каждый расходится со своей правотой, и в лучшем случае – со спокойствием, а в худшем – с равнодушием и пустотой в сердце.

Но если они всё же выбирают любовь, то становится не важно, кто прав. Холодные чары спадают, люди встают лицом к лицу, глаза в глаза. Приходит свет прощения и принятия. Они снова словно видят друг друга впервые... Мужская дружба

Мужская дружба с детства – это удивительная штука. Когда мне удавалось увидеть её, я всегда думала, что это какой-то особый вид отношений, это близость, которой не бывает ни в какой другой ситуации. Женщинам такое и не снилось...

«Совесьть! Это слишком дорогое удовольствие в наше время» – вот с такого заявления мужчины начался разговор на консультации. «В наше время каждый за себя. Кто не успел – тот опоздал. Закон джунглей и всё такое» – говорил он и рассказал мне ситуацию с его бывшим партнером, с которым они вместе начинали дело.

Друзья детства, вместе во всех приключениях, в какой-то момент затеяли совместный бизнес. Тогда, много лет назад, дружба была для них превыше всего. Не раз прикрывали и выручали друг друга. Они поклялись, что если случится что-

то с одним из них, то второй позаботятся о семье другого. И всё было действительно хорошо, прибыли росли, друзья дополняли друг друга, пока один не попал в беду и не стал инвалидом. Сначала всё было так, как и договаривались, но время идет, а платить совсем не хочется. В какой-то момент тот, что остался в деле, начал искать причины не помогать, не платить, стал избегать встреч, потом искать причины прекратить отношения. Потом и вовсе стал придумывать, в чем партнер виноват...

Пострадавший оказался гордым человеком: ни просить, ни выяснять ничего не стал.

Время делает свое дело. Погрузившись в новые проекты, мужчина старался забыть о дружбе и обо всём, что их связывало... Успех и деньги стали его кумирами.

Но вот что интересно, спустя несколько лет, тогда, когда всё вроде бы осталось в прошлом, у него вдруг появился псориаз, который с каждым годом становился всё сильнее. Сидя у меня в кабинете он, сам того не осознавая, расчесывал локти и руки до крови. И я обратила внимание, как только речь заходила о его бывшем друге, он расцарапывал себя всё сильнее...

На одной из наших встреч, он, наконец, осознал, что же происходит. Мужчина подметил, что, похоже, это совесть, которую заглушил и вытеснил, нашла дорогу наружу и напоминает ему о себе в ранах, покрывших кожу... Как многие люди в таких случаях, он сказал, что это Бог его наказал.

Но постепенно мы пришли к выводу, что простая причинно-следственная связь на лицо.

«Так что же получается, это моя совесть проснулась? Я начал видеть друга во сне. Стал чаще вспоминать, что это такое – иметь возможность полностью доверять и повернуться спиной без страха, что в нее «воткнут нож». А ведь тогда, давно, я выбрал дружбу, как нашу главную ценность. Я ею безмерно дорожил. Мы чувствовали себя непобедимыми и сильными, ведь у нас было то, чего не было ни у кого – преданность»...

Он нашел в себе мужество отправиться к другу и посмотреть ему в глаза. Они проговорили всю ночь. Выпивали, вспоминали былое...

После их встречи на сеансе он рассказал, что впервые за долгие годы чувствует себя «легким». Впервые почувствовал, что снова не одинок.

«Вы не поверите, но он сказал, что ждал меня, что верил в то, что я «проснусь», уж слишком сильной была наша связь. Он недавно узнал, что ему осталось жить совсем не долго. Всем сердцем хотел, чтобы я появился. Он хотел попроситься. А еще хотел освободить меня от вины... Он смог понять и простить меня... Я бы на его месте, наверное, не смог, но он, он – Человек с большой буквы...»

Мужчина показал мне фото на телефоне, которое они сделали на последней встрече. С этого фото на меня смотрели двое обнявшихся взрослых, убеленных сединой мужчин,

они снова смотрели горящими глазами лихих мальчишек...

Его друг вскоре умер. И мужчина принял на себя заботы о его семье.

«И знаете, через пару месяцев псориаз стал отпускать меня. А я-то слышал, что он не лечится... Да и не хочу я, чтобы он вылечился совсем. Пусть будет как напоминание, как клеймо, которое оставила совесть на моем теле, чтобы впредь не забывать, кто я на самом деле...» Последний дар

– Как же хочется иногда поорать!!! Крикнуть, что есть силы! Так, чтобы было слышно на километры вокруг! – сказал мне один мужчина во время сеанса.

– Зачем? – спросила я.

– Чтобы почувствовать, что Я есть! Чтобы все вокруг услышали: «Я Есть!!!» – ответил он.

Совсем недавно он потерял отца. Тот был самым заурядным человеком. С матерью они давно развелись. Других детей у него не было. Всю жизнь работал «винтиком» в какой-то компании. Отец умер во сне, и его тело нашли только через неделю. Сын был на похоронах один. Больше никто не пришел, чтобы попрощаться.

Он стоял на его могиле и размышлял. Его отец не сделал никому ничего плохого, но и ничего хорошего. Его словно и не было вовсе. Мужчина сидел у меня в кабинете и говорил о том, что пустое кладбище, отсутствие желающих проводить отца в последний путь просто оглушили его. Такой пропасти бессмысленности он еще никогда не чувствовал,

из её глубин тянуло ледяным холодом. Он говорил, что буквально физически ощущает эту лишнюю смысла пустоту. «Я неожиданно осознал, как сильно похож на него. Я тоже обхожу все острые углы и стараюсь быть незаметным. Я не беру на себя ничего лишнего. Делаю только то, что необходимо. Стоя на могиле отца, я понял, что со мной может произойти то же самое, и пришел в ужас! Теперь не могу спать спокойно. И еще! Он уже умер, а я ведь ничего, ровным счетом ничего от него не получил за всю свою жизнь!»

Я ответила: «Возможно и не получил, но своей смертью он, похоже, показал тебе кое-что очень ценное... Возможно, что своей смертью он дал тебе намного больше, чем за всю свою жизнь»... Мой крест

«Это мой крест!» – как часто я слышу такое выражение, ну или всевозможные его вариации. Люди порой не понимают до конца, как сильно они держатся за свои несчастья, «тиранов», страдания «во имя», и тому подобное. Сладостное состояние «жертвы» напоминает своего рода убежище, в котором можно спрятаться от подлинной жизни, от своего природного права выбора, от ответственности и возможности что-либо изменить.

Иногда надо пойти на уловки, чтобы выманить человека из его привычной «жертвенной норки». Порой для этого приходится искать креативные решения, которые вызвали бы у человека смех. Если удастся добиться, чтобы страдалец начал смеяться над ситуацией, над собой в ней, то можно

считать, что полдела сделано.

Как-то на динамической группе наше внимание привлекла одна из участниц. Она как попугай всё время долдонила: «Это мой крест!» Это постепенно стало вызывать жуткое раздражение у членов группы: все видели и понимали, что при таком отношении к себе как «героической жертве», шансов, чтобы выбраться из текущего состояния, у нее практически нет. Более того, когда атмосфера в группе стала накаляться, в этом проявилась своя естественная логика: в обществе, как и в природе, когда хищник настигает более слабого, «жертва» часто бывает попросту «съедена»; она ничего не вызывает, кроме агрессии и желания «добить».

Надо сказать, что мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы изменить весьма не доброжелательное отношение группы к этой женщине, направив его в творческое русло. В конечном итоге было предложено следующее решение: с одним из участников, у которого была собственная столярная мастерская, договорились изготовить здоровенный деревянный крест, который мы приволокли и подарили ей. Все сели в круг, и мы торжественно вручили его женщине, материализовав тем самым в конкретный предмет метафору о её горькой судьбине и страшном бремени. Как ни странно, она восприняла происходящее без юмора и даже очень серьезно: простояла со своим крестом до конца дня несколько часов и даже на перерывах ни на минуту не расставалась с этой ношей!

В конце концов, женщина добилась своего: внимание всей группы было сфокусировано только на ней. Сначала задавали вопросы: «Почему ты не отложишь его в сторону и не займешься чем-то другим?» На что она отвечала, что «её крест невозможно отложить!» Тогда на нее посыпались предложения с тем, каким образом этот крест можно использовать: положить на пол и присесть на него, пригласить других сесть рядом; вкопать его в землю и перестать, наконец, его носить; одеть его в отрепья, сделав пугалом в огороде, использовать его как оружие... В общем, предложений было великое множество! Но наконец, и они иссякли. Все замолчали, наступила звенящая тишина... И вдруг, она громко, с вызовом выкрикнула: «Он мой, он мой, это мой крест!!!» Все молча, смотрели на нее...

А дальше ... Дальше наступил момент волшебства! Такое бывает на группах, когда можно наблюдать моменты трансформации, перерождения. Она, наконец, осознала абсурдность ситуации и залилась хохотом, который вырвался из самых недр её души, словно птица из клетки. Господи, как же это было красиво! Акт подлинного освобождения, выхода из скорлупы «жертвы», рождение героя, правителя собственной жизни...

...Вечером, когда группа закончилась, мы все отправились за город. Крест был торжественно распилен, женщина разожгла костер и положила его в пламя: вместе с ним навсегда сгорала её «тяжкая судьбина», превращаясь в тепло и

в свет... Сердце в ладонях

Полнота жизни и счастье – разве кто-то этого не хочет?

Конечно, хотят все! А счастье невозможно без полноты жизни, без ярких оттенков эмоций, без подлинной глубины, без учащенного пульса, без замирающего сердца...

Частенько сталкиваюсь с ситуацией, когда людям хочется счастья, но как-то так «подешевле». Они жаждут приключений, но не готовы рисковать. Они жаждут любви, но не готовы, чтобы кто-то стал для них дороже, чем они сами. Они хотят близости, но боятся пережить её утрату. Они хотят быть особенными, но чтобы сильно не бросаться в глаза. Они мечтают о славе и бессмертии, но без полноты жизни, им совсем нечего сказать... И тогда, люди начинают изнывать от скуки, а их сердце жаждет жизни, жаждет преодоления, развития, душа жаждет полноты. Но страх изменений сковывает их. Они хотят покоя. Потом ищут всевозможные суррогаты-допинги, «подсматривают» за чужой жизнью, наполняя себя плаксивыми или страшными книгами и фильмами, идут смотреть футбол или играть в компьютерные игры и казино, чтобы хоть что-то почувствовать.

И вот, уже без спроса, судьба преподносит сюрприз, что-то, наконец, происходит. Например, сильная страсть, или «петух клюнул» и «гром грянул». И что же? А ничего! Вернее, пока всё приятно и забавно – отлично. Но как только появляется другой полюс эмоций – голову в песок. Напиться, забыться, наглотаться антидепрессантов.

Это поразительная штука! Недоверие людей себе, своей способности адаптироваться, просто потрясает воображение!

Казалось бы, природа создала чудо – человеческое тело! В нем работает целый завод и химическая лаборатория по производству всех необходимых веществ, на все случаи жизни. Способность организма к адаптации просто колоссальна. Не говоря уже о том, что серого вещества хватило бы на то, чтобы объять и информационно переварить целую вселенную, а мы, как известно, используем лишь малую его часть.

Для любой новой ситуации, будь то приятная, страшная, или болезненная, нужно немного времени и организм что-нибудь придумает, он сотворит все необходимые вещества!

Да и сердце – это же мышца, которая должна работать, этот мотор создан, чтобы адаптироваться к эмоциям. Ведь если его всё время держать в тепличных условиях, то оно окажется не готовым к испытаниям и может просто разорваться при первой серьезной нагрузке.

Никогда не забуду ситуацию на одной из динамических групп, которую я вела. Народ там собрался как специально, все «хранители покоя», которые от отсутствия полноты жизни стали похожи на роботов. Многие из них жаловались на головные и всякие другие боли, на внутреннюю пустоту и смертельную скуку.

Речь зашла о том, что полнота жизни возможна, если только позволить своему сердцу глубоко проживать, испытывать

причастность. Но кто-то из них подметил, что ведь тогда оно будет чувствовать всё, в том числе и боль, и не только свою, но и других... Мы глубоко зашли в своих размышлениях. Они спорили, доказывали, и так бы, наверное, долго продолжалось, пока в комнату не зашла дочка одной из участниц, девочка лет семи. Я сначала хотела остановить её, но не стала.

Она тихонько села, немного послушала, потом взяла лист бумаги и стала что-то рисовать. Нарисовала большое красное сердце. Вырезала его по контуру, встала и решительно зашла в круг. Все вопросительно на меня посмотрели, я ей кивнула. И тут девочка, молча идя по кругу, стала предлагать каждому участнику сердце, что лежало в её ладонях...

Так она прошла весь круг, но никто его не взял, оно по-прежнему осталось лежать в её ладонях. Девочка молча постояла, с грустью глядя на всех, и вышла, тихо затворив за собой дверь, унося прочь «пылающее» в руках сердце...

В помещении повисло тягостное молчание, осознание происходящего было на лицах участников. У всех в глазах стояли слезы...

Это была одна из самых глубоких и результативных групп... Бедные крокодильчики

Всё пытаюсь отследить, в какой же момент люди теряют доступ к необычному, волшебному, к тому ощущению, что мир сказочный и полон загадок?

Помню, как-то ехали к морю с подругой и её пятилетней

дочкой. Дорогу разделяла узенькая аллея пальм. Девочка во все глаза их рассматривала и не слышала ничего, что ей говорила мама. Обратив внимание на то, что девочка чем-то сильно увлечена, я наклонилась поближе к её уху и тихонько, чтобы не нарушить её созерцание, спросила:

– А что ты видишь?

Она как замороженная рассматривала стволы пальм и прошептала в ответ:

– Ты видишь бедных крокодильчиков?

Я смотрела на стволы и никаких крокодильчиков там не видела:

– Где же они? И почему они бедные? – не выдержала я.

– Ты что? Вот же их хвостики, торчат из ствола! – ответила девочка.

Тут, наконец-то, я поняла, что она говорит об острых сухих и колючих отростках, которыми были покрыты стволы пальм.

– А где же их головы? – спросила я.

Она посмотрела на меня как на умалишенную и сказала:

– Ну ты что, не понимаешь что ли? Если хвостики торчат снаружи, то, конечно же, головы у них внутри!

Я сказала, что она совершенно права, и как это я сразу не догадалась. Но одно мне непонятно, как же они туда попали?

– Провинились, – ответила она грустно.

– Как же их спасти?! – взмолилась я.

– Уже ничего нельзя сделать, – ответила она со вздохом.

– Но почему?! – взяв её за руку, воскликнула я.

Лицо девочки стало очень серьезным и взрослым, а взгляд мудрым и печальным.

– Как же ты не понимаешь? Поздно! Они же уже превратились в пальму! Что тут поделаешь...

Мы вышли из машины и направились к морю. А девочка подбежала к пальме. Что-то долго ей шептала. А потом, прощаясь с бедными крокодильчиками, нежно погладила их по хвостикам... Веснушчатая бестия

Сколько мы готовы отдать за любовь? Любовь родителей или внимание и восхищение противоположного пола? Столько трогательных историй есть о том, как за внимание и любовь люди порой расплачиваются тем, самым живым, самым самобытным, что в них есть...

Одна из пациенток рассказывала мне, что в далеком детстве была этакой пацанкой, любопытной мечтательницей, смешнючкой, озорной и яркой. Мальчишеская стрижка, стоптанные босоножки, ситцевое платье, ободранные колени. Она носилась по лесу, лазила по деревьям, дралась и состязалась с мальчиками, смеялась во весь рот и морщила нос, покрытый веснушками.

Она любила убежать подальше в лес и тайком от всех рисовала растения, птиц и букашек, что ползали в траве. Ей было ужасно интересно, как устроено всё живое.

Конечно, домой она всегда приходила чумазая, вся в царапинах, в разорванной о сучья одежде. Родители на нее бес-

конечно ругались, всегда приводили в пример «хороших девочек», которые ведут себя как положено. Нашу же героиню как магнитом тянуло в приключения, и, соприкасаясь с предметом своего интереса, она забывала обо всем...

Как-то к ним в деревню приехала родственница из города и привезла ей нарядное платье. Мать велела его надеть. Оно было просто восхитительно! Красная жилетка, белые кружевные оборки. Девочка была в нем очень красивая, но чувствовала себя как-то не в своей тарелке. Мама сказала, чтобы она пошла в нем погуляла, пусть люди посмотрят, но строго-настрого наказала, чтобы не испачкала свою обновку.

Девочка ходила по двору, боялась даже дышать. Соседи на нее глазели с восхищением, но вдруг она увидела, что через щель в сарае вылез маленький желтый утенок. Забыв обо всем, она, сломя голову, помчалась его спасать, ведь малыша могли стащить кошки. Утенок был напуган, и девочка уселась на пол сарая, положила его на колени, стала гладить и поить водичкой. Он был такой милый, но когда он наконец-то успокоился, то нагадил ей на белоснежную юбку зеленоватой жижей...

Когда мать увидела это, то зашла в страшном гневе и истерике. Она осыпала дочь бранными словами, называла растяпой и неряхой, говорила, что все дети как дети, а она так и останется тупицей... Девочка пыталась объяснить, что спасала утенка, что его бы съели кошки, что он был маленький, и она хотела его погладить... Но куда там, её никто не слы-

шал.

И в этот момент, что-то внутри малышки перевернулось, она твердо решила, что будет вести себя так, чтобы мама была довольна и любила её. И она «остепенилась».

Перестала убегать в лес и рисовать, перестала быть очень любопытной и сующей свой нос во всё, что происходит в окружающем мире, перестала спасать утят и котят, стала ходить в нарядных платьях. Она стала «хорошей девочкой». Не смеялась громко во весь рот, не морщила нос, и даже забавные веснушки с него куда-то улетучились. Да, теперь её больше хвалили, и наверное, больше любили, она доставляла меньше хлопот, но её мир с тех пор потерял свою пронзительность, свою красоту, даже запахи стали приглушенными.

Выражение «хорошей девочки» так и застыло на лице, превратившись в маску.

И вот теперь, спустя много лет, её веснушчатая бестия снова напомнила о себе, постучалась изнутри и спросила: «А ты счастлива?» Письма Сердца

Наверное, чем дольше мы живем на этом свете, получаем опыт, проходим состояния подъемов и падений, тем больше думаем, что вот наконец-то, начинаем понимать этот мир. Мы систематизируем свои знания, делаем выводы, раскладываем всё по полкам. Я часто слышу от людей: «Что еще нового может произойти? Это же заранее понятно, что будет так-то и так-то». Когда звучат такие слова, я понимаю, что дела плохи...

С некоторых пор я осознала, что самым правильным для меня является отношение к миру как к тайне, к самой себе тоже как к тайне, и тогда у вселенной есть много возможностей меня удивлять. Оставляя место тайне, оставляю место чуду. И иногда оно действительно происходит. Как это работает? Понятия не имею, да и не хочу иметь. Хочу просто, как ребенок радоваться и удивляться чудесам. И про такое чудо хочу рассказать. Это произошло на динамической группе.

Одна из тем, которую мы разбирали, была посвящена без вести пропавшим близким. Мы говорили о том, насколько это мучительное состояние, оно терзает нас неизвестностью. Ведь если ваш близкий смертельно болен или трагически погиб, то это можно воспринять, пережить потерю и жить дальше, тут есть возможность как-то внутренне завершиться. Но если он исчез бесследно? Что тогда? Пустота, неизвестность, надежда, отчаяние душит словно в тисках, и сколько бы времени не прошло, в сердце остается незакрытая рана, которая продолжает кровоточить и не отпускает нас.

Среди участниц группы была молодая девушка, назову её Валерия, из жизни которой именно так, внезапно исчез отец. Он был военным, служил в приграничном гарнизоне. Его отношения с матерью всегда были плохими, они бесконечно скандалили. Но отец обожал свою маленькую дочку, везде, где только было возможно, брал её с собой. Они ходили в походы, много беседовали, он просто души в ней не чаял. Мать же была холодной женщиной с властным, жестким ха-

рактором. Она жутко ревновала мужа к собственной дочери.

Чем холоднее становилась мать, тем больше девочка привязывалась к отцу, между ними возник целый мир, со своим языком, понятным только им, со своими позывными, тайными знаками, любимыми местами, книжками и занятиями, которые они не делили больше ни с кем.

Когда Валерии исполнилось шесть лет, однажды, вернувшись домой с улицы, она почувствовала, что что-то не так. В доме было стерильно чисто, а мать сидела на кухне, скрестив руки на коленях. У нее было неестественно каменное лицо, а голос монотонный и строгий. Она вынесла из комнаты два чемодана и сказала дочери, что они немедленно уезжают. Девочка ничего не могла понять, она спрашивала, где папа, едет ли он с ними. Помолчав немного, мать ответила: «Твоего отца больше не существует».

Валерия сидела на стуле, вся сгорбившись, она говорила, что не поняла тогда этого слова «не существует». Она помнила только, что её накрыло странным оцепенением. Мать взяла девочку за руку и потащила за собой. «В тот момент я чувствовала, что надвигается что-то неизбежное, что этому невозможно сопротивляться. Никогда не забуду серое, каменное лицо матери», – говорила она.

Мать наотрез отказалась говорить с дочерью, ничего не объясняла, кроме того, что отца больше не будет никогда. Она сожгла все его фотографии. Постаралась уничтожить всё, что было с ним связано. На протяжении многих лет все

попытки Валерии выяснить, что же произошло, не увенчались успехом. Она больше никогда не видела своего папу. В груди так ныло, словно у нее вырвали сердце. Постепенно она стала вялой, училась плохо, закрывалась у себя в комнате, была необщительной и замкнутой. Будучи подростком, девочка познакомилась с компанией ребят, которые по специальной учебной программе ехали жить в Израиль. Она присоединилась к ним и в скором будущем оказалась в новой стране. Валерия страдала от одиночества, не знала куда себя деть, связалась с молодежной компанией, где увлеклась наркотиками. Она не помнит от кого и как забеременела, и в 18 лет у нее родилась дочь. С появлением ребенка что-то стало меняться: Валерия предпринимала отчаянные попытки вырваться из наркотического плена, стала стремиться изменить свою жизнь. Это и привело её на группу.

Она рассказывала нам о своем отце, о том, как это невыносимо жить в такой неопределенности. Я спросила её: «Если бы отец мог слышать тебя сейчас, что бы ты сказала ему?» Она задумалась и горько заплакала. Из нее буквально хлынул поток обвинений, боли, крика, слез. Она сползла на пол и стала колотить по нему кулаками. Я боялась, что она поранится, и бросила на пол подушку. В исступлении девушка разорвала её, и по всей комнате разлетелись кусочки поролона. Увидев растерзанную подушку, она застыла, глядя перед собой не видящими глазами. В круге повисла невыносимая, звенящая тишина. Все чувствовали, что это тупик, пустота

поглощала её сердце.

Выхода не было, выплеск злости и боли не дал ей ответов и облегчения. Я не знала, что делать, и решила просто довериться неизведанному и перестать искать ответ. Я молча созерцала эту пустоту и ждала, когда она предоставит мне решение. И ответ пришел. В этот момент я вспомнила, как в детстве мы с бабушкой писали письма миру, а может быть Богу, не знаю. Писали, а потом сжигали и отправляли по ветру. Суть была в том, чтобы выразить свои чувства и отпустить их в мир. Бабушка говорила мне, что слова сердца всегда найдут своего адресата, главное – это отправить письмо.

Нарушив затянувшуюся тишину, я стала рассказывать группе про свой детский опыт и предложила Валерии написать отцу письмо. Она посмотрела на меня совершенно пустым взглядом, но неожиданно согласилась. Мы сделали перерыв, чтобы дать ей время написать.

Когда она читала его, мне было трудно передать всю гамму переживаемых чувств. В нем было столько света, столько нежности и мудрости, столько обнаженности и любви, что ей приходилось делать паузы, потому что в группе творилось что-то невероятное. Я запомнила лишь немного. «Папа, папуля! Первый раз за многие годы я называю тебя так. Сколько боли и обиды чувствовала всё это время без тебя. Иногда и настоящую ненависть, я не могла простить тебя. Каждый день, все эти годы, я задавала себе вопрос, почему ты бросил меня вот так, ничего не объяснив, не попрощавшись... Но

сейчас в моем сердце только любовь. Я не знаю, где ты – в этом мире или в другом. И где бы ты ни был, я верю, что ты меня слышишь. Хочу сказать тебе, всё лучшее, что есть во мне, дал мне именно ты. И еще, у моей дочери твои глаза. И они смотрят на меня каждый день с любовью. Где бы ты ни был, теперь я доверяю тебе...»

Люди плакали и начинали говорить слова любви своим родителям, они останавливали Валерию, чтобы её обнять. Это было так сильно и так нежно одновременно! Не передать словами того состояния глубокого сопереживания, абсолютного присоединения, которое мы все почувствовали. Когда она закончила читать, не сговариваясь, мы поднялись на крышу. Огромная, раскаленная, плоская крыша израильского дома. Над ней струилось марево. Закат был кроваво-красный, невероятным образом отражающий наше внутреннее состояние. Пахло морем, воздух был очень теплым и влажным. Валерия взяла свое письмо и стала сжигать его на крышке железного люка. Я молча смотрела на пламя, медленно поедающее строки любви, и что-то внутри меня словно растаяло, отпустило. Я была абсолютно уверена, что все остальные чувствуют то же самое. Девушка бережно собрала пепел и подула на него. Ветер подхватил серые частички и понес их вверх, к небу.

Состояние прозрачности и удивительной, светлой печали сохранялось у меня внутри еще несколько дней после группы. Но самое удивительное произошло потом. Недели через две Валерия позвонила мне ночью. Она была так взволнована, что не могла говорить. Немного успокоившись, девушка сказала: «Леа, мой папа позвонил!»

Когда у них наконец появилась возможность говорить, отец рассказал ей, что произошло. Проводя дома выходные он прилег отдохнуть. Ему приснился сон, очень реалистичный, словно всё происходило наяву. Состояние сна было очень странным, отец слышал звуки с улицы, чувствовал, как колышется от ветра занавеска. И вдруг, увидел, как Валерия садится рядом с ним на кровать, кладет руку ему на грудь и говорит: «Папа, хватит. Просто позвони мне». И он резко проснулся от того, что сердце бешено колотилось...

Тогда, много лет назад, их отношения с женой стали совсем невыносимыми. Он искал утешения и близости, и, в конце концов, у него случился роман с женой начальника гарнизона. Мать Валерии выследила его. Она угрожала разоблачением, тем, что уничтожит его как офицера, но самое главное, она расскажет обо всём дочери. Но даже не это было самое страшное. Жена, находясь в своей ненависти и ревности, угрожала превратить жизнь дочери в ад. Ревность ослепила её и сделала одержимой. Она отомстила ему, забрав дочь и взяв с него обещание, что он никогда не будет искать встречи с ними, что он исчезнет из их жизни навсегда, и то-

гда она не скажет дочери ничего. И отец согласился, уступил ради благополучия и спокойствия своего ребенка. Через несколько лет ему удалось разыскать их, и он тайно поддерживал связь с коллегой и приятельницей бывшей жены. Именно от нее он узнавал новости о том, что дочь уехала в Израиль, что родилась внучка. Как-то Валерия отправила матери поздравительную открытку с Новым годом, где написала о том, что переехала в другую квартиру, оставила адрес и новый домашний телефон. Именно эту открытку мать забыла на своем рабочем столе. Приятельница переписала всю информацию и передала отцу Валерии. Вот уже несколько месяцев он не решался связаться с ней. И тут ему приснился сон...

Я не хочу пытаться объяснять, что именно произошло. Пусть для меня это останется тайной. Но снова и снова я убеждаюсь в том, что доверие к реальности и слова, идущие из самой глубины сердца, способны творить чудеса...

Часть четвертая:
Истории земли
Израэль.
Выбирая Жизнь

Тапки с ослиными ушами

Мое личное знакомство с Израилем началось с очень смешной истории, которая заставила меня влюбиться без памяти в эту крохотную страну, полную противоречий, шумных беспокойных людей, знойную, морскую, прекрасную...

В первый месяц после приезда я намеревалась пожить у своей подруги, с которой была знакома много лет. В тот период она работала с неким бизнесменом, который часто бывал в Москве, где ему нужна была помощь переводчика и секретаря. Мой приезд и её отъезд странным образом совпали. У нас оставался только вечер на общение и обустройство, а дальше она улетала, оставив на мое попечение свою квартиру и вредного, кусачего черного кота.

Район, где она проживала, в основном был заселен кореными израильтянами, потому повсюду слышался преимущественно иврит. Чтобы побыстрее ввести меня в курс дела, мы отправились ознакомиться с ближайшими «достопримечательностями»: продуктовым магазинчиком, сигаретным ларьком, махоньким кафе и тамбуром с хозяйственными товарами.

В таких районах все жители близко знакомы, потому там практиковался подход – «личная карточка», то есть всё, что человек покупает в течение месяца, записывается в карту покупателя, и раз в месяц, как правило после

зарплаты, люди приносят банковский чек, чтобы распла-

тяться. Подруга познакомила меня с хозяином магазина, улыбочивым коренастым израильтянином, и сказала ему, что пока она в командировке, я буду пользоваться её картой. Он обещал «не обижать красавицу» и выдавать мне то, что я потребую.

Проболтав до глубокой ночи, мы разошлись спать, и рано утром подруга улетела на неделю, предоставив мне полную свободу для самостоятельной адаптации.

Проснувшись утром, я сразу почувствовала приятный запах моря из окна и пошла варить себе кофе, намереваясь посидеть на балкончике и насладиться видом огромного дерева, усыпанного фиолетовыми цветами, раскинувшего ветви перед домом.

Однако, зайдя на кухню, я ощутила жуткое зловоние, которое распространялось с хозяйственного балкончика. Заглянув туда, я ужаснулась! Посредине стоял латок с песком – кошачий туалет, который, похоже, давненько не выносили. Рядом с ним кот, в качестве протеста, навалил кучу прямо на пол и, сидя рядом с ней, злобно взирал на меня огромными зелеными глазюками.

Эта реальность настолько контрастировала с морскими запахами и великолепием усыпанного цветами дерева, что мне стало невмоготу. Зажав нос пальцами, нашла мешок для мусора и кинулась убирать безобразие, раздраженно поглядывая на самодовольного кота. Накануне я заметила, что мусорные баки стоят прямо на выходе из подъезда и, недолго

думая, спустилась к ним прямо в том виде, в котором была, то есть в утреннем домашнем «наряде» – черном китайском халате с красными драконами и мохнатых домашних тапках в форме ослиной морды с большими серыми ушами.

Довольная быстрым решением проблемы, затолкав мешок в контейнер, я вспорхнула по лестнице, предвкушая долгожданный кофейный аромат, но тут обнаружила, что дверь захлопнулась. Подвижная ручка на ней, как выяснилось, была только с внутренней стороны, а снаружи она представляла собой статичную круглую головешку.

От осознания случившегося у меня подкосились ноги, и я медленно села на ступеньки. «Что же теперь делать?» – думала я, – подруга приедет только через неделю, я в стране, на языке которой не знаю ни слова, ключ заперт внутри квартиры, в ней злобный голодный кот, на мне халат и тапки с ослиными ушами...»

Плакать было бесполезно, и мне ничего не оставалось, как только отправиться к единственному человеку, с которым успела познакомиться – хозяину местного продуктового магазинчика.

На улице меня сразу поразило то, что никто из прохожих не придал никакого значения моему странному виду, все улыбались и говорили «бокер тов» («доброе утро»). «Это твое личное дело, что на себя надевать» – выражали их всё понимающие лица.

Как только зашла в магазин, хозяин, взглянув на ме-

ня, всплеснул руками и спросил: «Ма кара?» («что случилось?»). Мои попытки объяснить проблему на ломаном английском не увенчались успехом. Но он, подняв указательный палец вверх, жестом попросил подождать и, набрав номер телефона, передал мне трубку. Там послышался женский голос, его обладательница говорила на русском языке. Оказалось, что она – бывшая работница магазина. Я подробно объяснила, что да как, после чего вернула трубку мужчине.

Боже мой! Что тут началось! Наконец-то, поняв проблему, он поднял на ноги половину района! Пришли какие-то люди с большой лестницей, забрались в квартиру, открыли её. Сбежалось множество тетушек с пластиковыми коробками домашней еды, кто-то принес мне одежду, они решили, что «бедняжке нечего надеть», и потому она ходит в халате. Хозяин магазина вручил мне огромный пакет с продуктами и, потрепав за щечку, сказал: «Тухли мотек, ат раза медод» («кушай милая, ты очень худенькая»).

Я почувствовала, что меня окружает какая-то новая, неизвестная доселе реальность: сила и напор этих людей, включившихся в события моей жизни, показались настолько неожиданными в тот момент, что даже немного напугали меня.

Когда шум наконец утих, и все разошлись, я обнаружила себя стоящей посреди комнаты, заваленной «дарами» новых соседей-израильтян.

«Вот так страна!» – подумала я. Никогда в жизни до этого

не чувствовала себя так странно. С одной стороны – в безопасности и окруженной заботой совершенно чужих людей, а с другой – в атмосфере полной «эмоциональной прозрачности», отсутствия каких бы то ни было личных границ. Легкость, с которой местные люди проникали повсюду, просто ошеломляла.

Некоторое время я пыталась разобраться, нравится мне всё это или нет. Но внутри меня уже что-то стремительно и безвозвратно менялось. В сердце «оттаяло» место, где до сего времени была «вечная мерзлота». И вдруг вспышка! Наступило озарение, в голове отчетливо прозвучало – «Я Дома!». Это было потрясающе и очень сильно!

Еще около месяца я жила в уютном райончике. За это время все соседи стали для меня как родные. Каждое утро, выходя на балкон с чашечкой кофе, я приветствовала спешащих на работу Моше, Далию, Мирьям, Цвику... Они всегда находили время остановиться, перекинуться парой слов, спросить как мои дела, как я, «бедняжка», справилась со стрессом, и со смехом вспоминали мои тапки с ослиными ушами... Следы на песке

Сегодня Израиль под обстрелом. Звуки сирен зовут укрыться от опасности. Когда война и смерть ходят рядом, мысли становятся кристально ясными, каждое мгновение наполняется глубиной и смыслом, а в памяти всплывают давно забытые вещи. Мне вспомнилась старая притча. Скорее всего, она уже звучала где-то раньше и совсем по-другому,

но я расскажу её так, как она запечатлелась в моей душе...

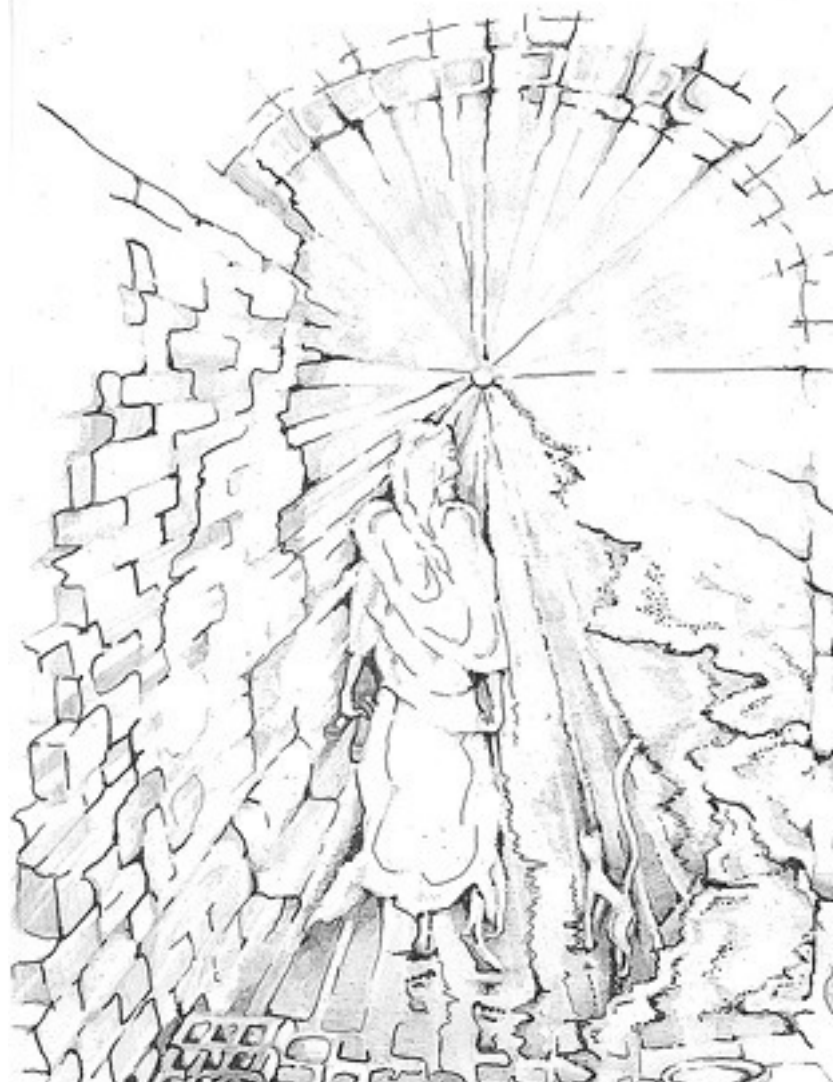
Давным-давно жил старый Учитель – Мастер Слова. С кем бы ни сводила его судьба, после нескольких минут разговора с ним, люди стремительно менялись. Что-то заставляло их остановиться и задуматься. Слова Мастера были так сильны, что проникали в самую глубь естества. В результате люди обретали истинную духовную свободу.

Так Мастер путешествовал по стране, беседовал с людьми, и у него становилось всё больше и больше последователей. Слухи о нем дошли до императора, который был вне себя от злости, ведь освобожденными подданными невозможно управлять. Приказал император заточить Мастера в тюрьму. Он велел посадить старика в одиночную камеру и запретил охранникам разговаривать с ним под страхом смертной казни. Так прошло несколько лет. Утром Мастеру приносили ломоть хлеба и похлебку, а к вечеру лучину, чтобы освещать камеру. Угольками он нарисовал на стене песчаное побережье, на скалах вдалеке возвышались сосны. На берегу сидела кошка.

Как-то, когда охранник принес еду, Мастер попросил его в следующий раз прихватить еще немного молока для голодной кошки. Охранник был молод, он подумал, что бедняга окончательно спятил от одиночества. Ему стало очень жаль старика, он согласился выполнить просьбу. С того дня, каждый раз, парень приносил стакан молока. Мастер был несказанно счастлив и благодарен, а у охранника просто сердце

кровью обливалось, когда он видел, как старик направляется к своей нарисованной кошке, с любовью предлагая ей молоко.

Так продолжалось очень долго. Но вот однажды охранник зашел в камеру со стаканом молока, но Мастера там не оказалось – он попросту исчез...

На песке нарисованного побережья были две пары следов, уходящих к склонам, покрытым соснами. Одни оставлены босыми ногами Мастера, а другие – лапами его любимой кошки...

На полу камеры надпись: «Посмотри глазами Души, ты обретешь свободу и узришь дорогу в Чертоги Сущего».

Охранник вдруг понял, как сильно полюбил этого странного старика, что стакан молока стал его смыслом жизни, единственным мгновением за день, когда он был по-настоящему счастлив.

Ему стало невыносимо тоскливо, он сел на пол и заплакал как ребенок. Боль потери и отчаяние захлестнули его.

«Постой, а как же кошка? Она ведь умрет от голода без меня!» – вдруг подумал он. – «Надо догнать старика, но тяжело будет бежать по песку в сапогах». Сбросив их, юноша взял стакан молока и, закрыв глаза, бросился догонять беглецов...

В лицо полетели мелкие брызги соленой воды, крик чаек разорвал тишину, под ногами он ощутил теплый песок. Открыв глаза, увидел следы, ведущие наверх в скалы. Поразмыслив немного, он нагнулся и написал на песке: «Следуй по следам того, чей путь ведет в Чертоги Сущего». И взяв стакан молока, поспешил за странным стариком, след в след... Отец и сын. В поисках Бога

Религия – для каждого это что-то свое. Сколько конфликтов и непонимания происходят на этой почве, уму непости-

жимо!

Припоминается мне одна трогательная и очень такая «израильская история».

Мужчина, который мне её рассказал, вырос в религиозной семье, их предки перебрались на Землю Обетованную в двадцатые годы прошлого столетия. Отец был строг, он часто говорил о том, что они сейчас в Израиле только потому, что их предки молились об этом веками, и благодаря им всё и случилось.

Он отправил двоих своих сыновей в религиозную школу и был весьма требовательным, особенно к нашему герою, первенцу, а с него, как говорится, спрос больше. Каждое утро отец дотошно допрашивал его, сделал ли омовение рук, молился ли он с утра, сказал ли благословения на еду, и так далее. Чем дальше, тем больше у мальчика нарастало сопротивление, он перестал молиться и не желал врать отцу, что продолжает это делать. Отец исправно бил его по лицу наотмашь за каждое нарушение традиции, но мальчик не уступал. Вся отцовская любовь и скупые мужские объятия доставались младшему брату, который умел найти подход к родителю, хотя особого восторга от религиозного образа жизни тоже не испытывал.

Все их отношения свелись к жесткому противостоянию. Парень пошел в армию и, вернувшись из нее на короткий отдых, впервые остановил руку отца, занесенную для удара. Дальше – больше: после армии он, как и многие израилья-

не, отправился путешествовать и привез с собой жену немку из Германии. Терпению отца пришел конец: он потребовал выбирать «или я, или она». Не сложно догадаться, что сын выбрал её. Потребовалось несколько лет, пока она сделала гиюр*, пока сначала мать, а потом и отец, приняли и полюбили её и детей...

* *Гиюр* – процесс обращения в иудаизм, включающий в себя длительное обучение и связанный с этим обряд.

Отец пытался настаивать на религиозном воспитании внуков, но каждый раз сталкивался с глухой стеной отрицания. Младший брат тоже полностью вышел из религиозного образа жизни и сразу после армии укатил в Индию. Там увлекся наркотиками, месяцами не давал о себе знать. Мать с ума сходила, ожидая от него весточки.

Когда мужчине исполнилось сорок, отец заболел раком. После обследования врачи сказали, что жить ему от силы две недели. Это было словно гром среди ясного неба. О младшем отпрыске вообще ничего не было известно. Как только старший сын узнал о случившемся с отцом, он освободился от работы на две недели и переехал жить к родителям.

Мужчина зашел в комнату отца, облачившись в кипу** и цицит***, атрибуты традиционной религиозной одежды. Они провели всё это время вместе. Сын рассказывал отцу о том, что интересного, страшного, веселого, трудного и чудесного было в его жизни... На третий день они даже вышли вместе в бар, где пили пиво и слушали живую музыку. Отец

попробовал покурить травку, они весь вечер смеялись...

** *Kuná* – традиционный иудейский головной убор в форме небольшой круглой шапочки.

*** *Цицѳт* – сплетенные в кисти нити на углах четырехугольной одежды, атрибут иудейской мужской религиозной одежды.

«Эти две недели, впервые в жизни, у меня был папа-друг, отец, который обнимал меня за плечи и ни слова не говорил о религии», – завершая свое повествование, сказал мужчина. «Незадолго до смерти он сказал мне, что именно в эти дни познал Живого Бога. Всевышний проявился в тепле и близости между нами. Отец сказал, что любит меня, первый и последний раз в его жизни...» Акива и Рахель

Переселившись на Землю Обетованную, я не могла не заметить, что у израильтян свои собственные представления о «главном» – о любви, о жизни, о счастье... И представления эти сформировались под влиянием многих факторов: теплого южного солнца, смешения самых разных языков и культур, ведь после основания государства сюда приехали люди со всех концов света. И конечно, постоянная угроза войны сыграла в этом свою важную роль: она научила людей действительно ценить жизнь, ценить время, что нам отпущено. Но какими бы разными они ни казались, всех израильтян объединяет нечто общее, нечто огромное и глубокое – то, что пришло из священных писаний, легенд о великих предках, о праотцах, что жили тысячи лет назад. Мудрость Ис-

раэль поистине неисчерпаема... Есть среди них такие истории, которые навсегда изменили мой взгляд на многие вещи, которые помогли сформироваться новым представлениям о жизни, дали надежду, исцелили душу. Одной из них я хочу поделиться с вами, дорогие читатели.

Те, кому посчастливилось побывать в Израиле, не могли не обратить внимания, что здесь практически в каждом городе есть улица Рабби Акивы. И не удивительно, ведь это был величайший из мудрецов Израиля, который сыграл огромную роль в судьбе своего народа, был настоящим героем и мучеником.

Но сейчас я хочу рассказать вам о его поистине необыкновенной, романтической и прекрасной любви к златовласой красавице Рахель.

Эта история навсегда изменила мои представления о предназначении женщины в жизни и пути мужчины. Она пришла к нам сквозь века, постепенно превратившись в легенду, но при этом не утратила своей значимости. Более того, на мой взгляд, с каждым столетием она сияет всё ярче, освящая путь потомкам...

Я изложила эту историю так, как понимаю её, так как она мне запомнилась, поэтому в своем повествовании не стремилась к скрупулезной точности исторических фактов. Скорее, мне хотелось рассказать её так, как она навсегда поселилась в моей душе...

Итак, Акива был пастухом. Родился он в семье простолю-

динов около города Лод, приблизительно в 50-ом году н.э., примерно за двадцать лет до разрушения Второго Иерусалимского Храма. Родители Акивы были бедняками – герами, а он безграмотным, так как никто и никогда не учил его читать и писать.

Акива выполнял обязанности пастуха за поденную плату, жил в ветхой хижине, где постелью ему служила охапка соломы. Он был очень беден, пил воду из горных ручьев, питался только хлебом да редькой, не мог написать даже своего имени, но при всём этом, отличался веселым нравом и необыкновенной добротой. Мужчина никогда не жаловался на свою участь, не тревожился о будущем и довольствовался тем, что каждый день выходил со стадом овец в Иудейские горы, любуясь их красотой, наслаждаясь теплом солнца и синевой неба.

В те времена в Иерусалиме жил один очень богатый, уважаемый и щедрый человек, о нем говорили так: «Каждый, кто входил в его дом голодным как собака, обязательно выходил сытым». Видимо поэтому в народе его прозвали: Калба Савуа – Сытая Собака.

Акива искал работу и однажды услышал, что богачу нужен человек пасти овец и помогать по хозяйству. Богач сразу отметил острый ум и добрый нрав Акивы и нанял его. Так, в довольстве малым, скорей всего и прошла бы вся жизнь Акивы, если бы не Рахель – дочь хозяина. В Торе о создании первой женщины написано: «Напротив мужчины и в помощь

ему создал женщину Творец»... .

Акиве же Всевышний послал одну из самых удивительных «помощниц». Молодая, невероятно красивая, да еще и образованная девушка полюбила этого простолюдина, навсегда изменив его путь.

Про единственную дочь хозяина, златовласую красавицу Рахель ходили легенды. Отец боготворил ее, она была для него «светом жизни». Известно, что кроме необыкновенной красоты она отличалась мудростью и обладала пророческим даром.

Надо сказать, что в те времена было не принято обучать грамоте женщин в отличие от мужчин, которые уже с трех-четырех лет посещали хедер (классную комнату), чтобы в дальнейшем изучать священные писмена и Тору. Рахель же напротив, не только умела писать и читать, но обладала способностью постижения тайных смыслов священных писаний, что по тем временам было просто невероятным явлением. Её руки просили лучшие юноши из благородных семей, которые славились своими успехами в познании Торы, что считалось главным достоинством мужчины.

Судьба свела Акиву и Рахель, когда ему исполнилось сорок лет, а она была совсем юной девушкой, и случилось это в особый период, между самыми большими праздниками Земли Израэль – Песах**** и Шавуот*****. Они встретились и сразу же полюбили, словно Свет больших праздников помог слиться их удивительным душам.

**** *Песах* – один из главных иудейских праздников в память об Исходе из Египта. Начинается на четырнадцатый день весеннего месяца нисан и празднуется в течение 7 дней.

***** *Шаву́от* – праздник посвященный дарованию Торы на горе Синай после выхода евреев из Египта.

Что же нашла Рахель – единственная дочь богача, красивая и одаренная, в Акиве? Ведь он не отличался ни внешней красотой, ни молодостью, а главное – он был невежей. Её живое сердце, чистая чуткая душа и дар провидения помогли разглядеть в неграмотном пастухе невероятный потенциал, редкую духовную силу и способность к огромной любви.

Рахель, лишь увидев Акиву, спросила: «Если я обручусь с тобой и стану твоей женой, пойдешь ли ты изучать Тору? Готов ли ты пообещать мне, что станешь ради меня первым Мудрецом Израиля?» «Да!» – не задумываясь ни на миг, выпалил Акива, глядя в глаза своей божественно прекрасной возлюбленной. Мудрецы говорят, что такая любовь бывает лишь раз в тысячелетие, про нее говорят – «зуг мишамáим» – «пара с небес». Такая любовь случается, когда Всевышний сводит вместе особые души для осуществления Своего великого замысла.

Безграмотный простолюдин Акива, увидев Рахель, юную златовласую девушку неземной красоты и редкого ума, влюбился в нее без памяти и был готов на всё. Однако он и представить себе не мог, насколько далек был в этот момент от

всего того, что она от него хотела. Скажу больше, в преданиях о нем упоминается, что до встречи с Рахель он поистине ненавидел тех, кто сидел целыми днями за изучением священных текстов, считая их бездельниками и лоботрясами. Потом, через много лет, будучи известным мудрецом, Рабби Акива вспоминал об этом:

– Когда я был безграмотным, бывало, говорил: «Приведите мне изучающего Тору, и я укушу его как осел!» Когда ученики спросили его:

– Почему же «как осел»? Ведь принято говорить «как собака»!

И Рабби Акива отвечал:

– Собака кусает, но не повреждает кости, а осел кусает так, что ломает кость.

Вот как сильна была ненависть пастуха Акивы к изучающим Тору!

И всё же, несмотря на это, из любви к Рахель он согласился пойти учиться. Так эта удивительная женщина заронила первую духовную искру, которая разожгла священный огонь скрытого Величия его огромной души.

Рахель, полная уверенности в правильности своего выбора, рассказала отцу, что встретила свою «пару с небес». Отец был несказанно рад, ведь он знал о пророческом даре своей дочери. Когда же родитель поинтересовался, кто этот счастливец, будучи уверенным, что он наверняка один из достойных просвященных юношей, Рахель указала на их слугу, со-

рокалетнего бедняка Акиву. Отец был взбешен, он и слышать не хотел о том, чтобы отдать единственную дочь за невежу, который не знает ни одного слова святой Торы!

И всё же, неумолимая сила любви захватила их, колесо судьбы закрутилось, остановить его было уже невозможно. Несмотря на запрет отца, втайне от всех они поженились. Слух о замужестве дочери вскоре дошедший до ушей Калба Савуа безумно разозлил богача: как могла его красавица Рахель стать женой этого неуча-пастуха?! Объятый яростью отец отрёкся от своей единственной дочери, изгнал её из дома и лишил права на наследство.

Новоиспеченных супругов ждала лишь нищета. Юная Рахель, привыкшая к жизни в богатстве, смиренно разделила с любимым Акивой его участь и судьбу.

Ну а он, как и обещал, пошел учиться. Однако грамота никак не давалась, как он ни старался, всё было напрасно. Мужчина был вынужден сидеть и учиться вместе с маленькими детьми, которые постоянно смеялись над ним. Прошло много времени, но у него по-прежнему ничего не получалось, пока однажды Акива совсем не отчаялся и понял, что просто не в состоянии больше терпеть унижения, что вынужден признать: он не в силах выполнить обещание, данное любимой жене! Домой шел понурый, с тяжелым сердцем и приготовился признать свое поражение, но вдруг увидел неподалеку ручей, где вода непрерывно лилась на камень и пробила в нем большую дыру. И тогда мужчина подумал: «Даже вода

способна проточить камень, неужели святые слова Торы не проточат мою твердую голову?» И он принялся за учебу с новой силой!

И, о чудо! Как только ему удалось освоить грамоту, всем учителям стало очевидно, что этот пастух обладает особым даром постижения святых текстов. Его душа была чиста, проста, близка к природе и полна любви, а ум полностью свободен. И он учился, учился много лет подряд, непрерывно и страстно. Его изголодавшийся по знаниям ум жадно впитывал мудрость древних текстов, раскрывая их тайные смыслы. Он переходил от одного учителя к другому, продвигаясь в своих познаниях семимильными шагами. Так слух о нем разнесся по всей Иудее.

В древних сказаниях есть упоминание о том, что Рахель, чтобы дать возможность своему мужу учиться у самых выдающихся мудрецов поколения, отрезала и продала свои роскошные золотые волосы. Акива очень расстроился, ведь он так любил их и называл «золотой короной». И когда женщина лишилась их, он дал себе обет, что обязательно разбогатеет и подарит своей ненаглядной жене «Золотой Иерусалим» – дорогое украшение из золота в виде изображения святого города.

Он продолжал свое обучение, жил в другом конце страны и виделся с любимой женой лишь несколько раз в году, во время великих праздников, которые все евреи отмечали в Иерусалиме. Так прошло долгих двенадцать лет. Рабби Аки-

ва, уже будучи известным и признанным знатоком Торы, наконец-то возвращался к своей возлюбленной.

Подходя к дому, он случайно услышал разговор Рахель с другой женщиной: «Ты так красива и молода, а твой муж бросил тебя одну на столько лет! Как можно терпеть подобное отношение?!» – спросила она. И Рахель ответила, что готова ждать еще двенадцать лет, чтобы её муж выполнил свое обещание и стал Первым Мудрецом Израиля. И тогда Акива понял – это знак, что он еще не в полной мере выполнил обещанное жене. Вскоре он снова ушел учиться... еще на двенадцать лет...

Чем больше времени проходило, тем сильнее любил Рабби Акива свою Рахель. В его глазах она была самым совершенством. Сказание гласит, что когда он возвратился в родной город Великим Мудрецом поколения, его сопровождали двадцать четыре тысячи учеников – достойнейших, образованных мужей, знатоков священных писаний. Он был поистине гениальным Учителем. Все жители города вышли на улицу, чтобы приветствовать его. Среди них была и его скромная жена. Соседи пристыдили ее: «Одолжи у кого-нибудь нарядную одежду, чтобы выглядеть достойно перед Мудрейшим!» Но Рахель ответила: «Мой муж хорошо знает, кто я и как мне живется. Незачем прихорашиваться перед ним». Рахель стала пробиваться сквозь толпу к своему мужу, но ученики, не знавшие, кто она такая, пытались оттолкнуть оборванку от великого Учителя. Рабби Акива почувствовал

её приближение и сказал им:

– Пустите её! И знайте: вся моя Тора и вся мудрость, вся ваша Тора и все наши постижения принадлежат ей, ибо всё наше «изобилие и свет» вызваны её духовной жаждой! – и он крепко обнял свою хрупкую Рахель...

Одним из тех, кто рвался встретиться с Рабби Акивой, был отец Рахель. Он и предположить не мог, что сей почтенный муж, великий ученый, мудрейший из мудрейших, – и есть его отвергнутый зять. И сейчас он пришел за советом.

– О, великий Рабби, – сказал он, – много лет назад моя дочь вышла замуж за бедного безграмотного пастуха вопреки моей воле. В гневе я отрекся от нее и поклялся перед Всевышним, что никогда не прощу ей этого. Теперь я раскаиваюсь и очень хочу найти дочь, помириться. Больше всего на свете я хочу быть вместе с ней и моими внуками. Что же мне делать?

И Рабби Акива сказал:

– Сначала ответь мне, что послужило причиной твоего обета – бедность этого человека или его невежество?

– Конечно его невежество! Ведь он не знал даже алфавита! – ответил старик.

– В таком случае освободи себя от данного обета, ведь твой зять стал большим знатоком Торы!

После чего признался изумленному старику, что он и есть Акива – его зять. Разрыдавшись, отец Рахели бросился целовать руки мудреца и поспешил обнять свою дочь.

– Я отдам вам половину своего состояния, чтобы Великий Рабби Акива смог всё свое время посвящать учению, – сказал он...

Замысел Всевышнего и заветная мечта Рахель осуществились, и ставший величайшим мудрецом Рабби Акива возвестил всем женщинам на все времена наиважнейшее послание: «Моя Тора, вся моя мудрость, и ваша Тора – её заслуга!»

И не удивительно, что бóльшая часть наследия мудрецов древнего Израиля, фундаментальные духовные труды, которые лежат в основе культуры еврейского народа и которые мы имеем счастье читать и постигать сегодня, дошли до нас сквозь века именно благодаря ученикам Рабби Акивы. Один из них – легендарный Рабби Шимон, написавший великую книгу всех времен «ЗОАР».

Подумать только, все эти сокровища мы обрели благодаря любви, желанию и воле одной хрупкой Женщины...

Однажды на занятиях Рабби Акивы кто-то из учеников задал вопрос:

– Кого можно считать поистине богатым?

Один ответил:

– Того, у кого есть множество виноградников и слуг.

Другой сказал:

– Того, кто довольствуется тем, что имеет.

Рабби Акива же ответил:

– Того, у кого хорошая жена... История о чужом пироге

Неотъемлемая часть разноцветной «культурной мозаики» Израиля – обычаи и предания йеменитов (йеменских евреев). Мне посчастливилось познакомиться с одним из представителей их самобытного мира – хранителем древних традиций рода, основателем Музея йеменской иудейской культуры, мастером-ювелиром в восьмом поколении, Бен Ционом Давидом. Это знакомство распахнуло дверь в «сокровищницу» новых смыслов, где у меня появилась возможность посмотреть на привычные понятия в совершенно ином свете...

Мастер часто выражает свое восхищение и любовь к Женщине как к чуду мироздания, венцу творения, он говорит, что все его изделия – это плоды служения её мудрости и красоте.

Однажды в нашей дискуссии на эту тему я сказала, что, конечно, о Женщине как глобальном и возвышенном явлении говорить несложно: многие поэты и художники воспевали её. И спросила Бенци: «Что для тебя твоя Женщина, не абстрактная, а живая, которая рядом, которая из плоти и крови?»

«Моя Женщина – продолжение меня самого, – сказал он тихо. – Она как моя рука или сердце. Ей больно – мне больно. Она страдает – я страдаю. Она радуется – я радуюсь. Её счастье – мое счастье. Думаю, что истинные отношения должны быть именно такими.

Конечно, это настоящее везение, если женщина чувству-

ет так же и хочет того же. Хотя я заметил, что в современном мире людей пугает такая степень близости. Однако уверен, что без нее невозможно построить полноценные отношения, про которые мудрецы древности говорили: «Мужчина и женщина, и Творец между ними». Если это не так, то любовь рано или поздно умирает. Мой отец, например, до последнего дня именно так относился к маме: если ей что-то надо, он готов был перевернуть весь мир вверх дном, но дать то, что она хочет.

Для меня еще очень важна кровная связь: в таких отношениях нужны дети, продолжение рода. Это необходимо для того, чтобы передать полученные знания и опыт, но не только. Если отношения столь близки и супруги живут «душа в душу», то любви всё время становится больше. А если так, то для того, чтобы выражать её, уже недостаточно женщины, одной спутнице этого слишком много. Дети естественным образом расширяют возможности для реализации любви».

Всё, что я слышала от Бенци, показалось мне простым и естественным, но, в то же время, несколько чуждым для современного мира, в котором всё меньше и меньше душевной близости, где постепенно разрушается институт семьи, а отношения в парах становятся всё более поверхностными. И я попросила Бенци рассказать об истоках такого мировоззрения, о законах и традициях его древнего рода.

У далеких предков мастера, веками проживавших на территории Йемена до их иммиграции в Израиль, было особое

представление о браке и любви, которое сильно отличалось от современного европейского взгляда. В те времена у них не было привычных для нас форм развлечений, они не ходили в кафе и бары, много трудились, а развлекаться и знакомиться молодым людям было некогда. Потому заботу об этом брали на себя отец и мать. Просьба о женитьбе по традиции исходила от отца жениха. Он выбирал дом, откуда хотел взять невесту для своего сына, и отправлялся беседовать с её родителями. Их «общение» продолжалось несколько часов. Они сидели, пили чай, кушали, обсуждали, что да как. Наконец, отец жениха объявлял, что хочет соединить с сыном их дочь узами брака. По традиции отец невесты должен был взять несколько минут на раздумья. Затем, если считал кандидата достойным руки своей дочери, говорил, что он не возражает. И хотя окончательное решение принимал именно он, всё же, необходимо было получить согласие матери и самой будущей невесты. Девушку приводили и задавали вопрос, готова ли она выйти замуж за сына этого человека. В большинстве случаев она отвечала, что готова поступить так, как они хотят.

После принятия окончательного решения жених выкупал невесту у её родителей, и назначался день свадьбы. За каждую девушку была своя цена, и зависела она от того, какая у девушки родословная, насколько праведен, чист и богат её отец. Естественно, родители жениха выбирали невесту, учитывая свои возможности и положение.

Когда я узнала о такой традиции предков Бен Циона, то высказала свое предположение о том, что браков по любви в Йемене, похоже, вообще не существовало. Однако он заверил меня, что совсем наоборот, там было много крепких, счастливых браков. И, всё же, я не понимала, как? Ведь будущие молодожены до самой свадьбы даже не были знакомы друг с другом!

– Ты кое-что не учитываешь, – сказал Бенци, – мужчины йемениты, в большинстве своем, были вдумчивы и умны, они постоянно изучали священные писания, высказывания мудрецов, размышляли над ними и дискутировали. Они тонко чувствовали людей. Отношения между членами общины были очень близкими. Потому они крайне редко ошибались в своем выборе.

– А как же любовь?! – воскликнула я.

– Любовь... – Бенци помолчал, задумавшись, и сказал, – мой отец говорил так: «Любовь приходит туда, где любо Всевышнему». Он любил мою маму больше жизни, но так было далеко не сразу.

И мастер поведал мне трогательную и смешную историю...

«Судьба моих родителей типичная для времен их бытности в Йемене.

В двух семьях родились дети разного пола. Главы семейств доверяли друг другу, вот и подумали: а почему бы нам не переженить своих детей!?»

Дело в том, что в Йемене существовал такой обычай – отцы могли заключить договор о том, что их отпрыски будут супругами, даже если на тот момент те были еще младенцами. Главное, вся община знала – эти дети предназначены друг для друга.

«Моей маме, было всего четыре года, когда её пришли сватать. Она должна была стать женой старшего сына. Отцы ударили по рукам и подписали договор.

Через год оба семейства собрались на праздник Рош Ашана***** в доме будущего жениха.

***** *Рош Ашана* – осенний праздник, когда евреи отмечают начало года.

Первенец слыл любимчиком матери, она всегда прятала для него самые лакомые кусочки. Так случилось и на этот раз. Но моя мама, которой к тому времени исполнилось пять лет, помогая будущей свекрови по хозяйству, случайно увидела отложенный в сторонке кусок пирога. Он был такой красивый и ароматный, а она такая голодная, что не выдержала и быстро слопала его.

Как только об этом узнал её «названный жених», он, закатив жуткую истерику, наотрез отказался на ней жениться. Мальчик оказал невиданное сопротивление отцу – ни аргументы, ни угрозы родителей не помогали. Это была из ряда вон выходящая ситуация для Йемена, ведь там запрещалось перечить отцовской воле. Но, так как будущий свекр верил в знаки Всевышнего, а мальчик был еще совсем ребенком,

отец простил ему непослушание и, недолго думая, предложил в женихи своего среднего сына! На том и порешили!»

– Вот тебе на! Что, так просто поменяли жениха?! — оторопела я.

– Да. Представь себе! — засмеялся мастер.

Мне стало ужасно интересно, что же было дальше с его родителями.

«Отец рассказывал, что после этой новой «помолвки» он увидел свою невесту только на свадьбе, через девять лет, когда ей исполнилось четырнадцать. Поначалу они, конечно, чувствовали себя как чужие. Но детей там воспитывали особым образом: их учили тому, как правильно вести себя друг с другом. Мальчиков учили, как относиться к женщине, девочек, как заботиться о мужчине и выполнять все необходимые домашние обязанности.

Отец поведал мне, что со временем они сблизились, начали всё больше заботиться друг о друге, а потом пришла настоящая любовь.

Из его рассказов я понял, что любовь подобна цветку или дереву — нужно просто подготовить благодатную почву в своем сердце, и тогда её семена обязательно взойдут. А потом, нужно почаще её «поливать» живительной водой поступков, питать теплотой и заботой, и тогда любовь наберет силу и расцветет!

Папа говорил мне, как хорошо запомнил тот момент, когда это произошло с ним.

Однажды утром он застал маму за молитвой. Она стояла спиной к двери, он не видел её лица. Лучи солнца, пробиваясь через окно, освящали контуры тела. Вся её фигурка, объятая светом, была такой хрупкой, такой трогательной и до боли в сердце родной, что в этот миг всем своим существом он осознал, что любит эту маленькую женщину больше всего на свете.

– Они жили «душа в душу», пока билось его сердце, – сказал Бен Цион. – И хотя по йеменской традиции мужчина мог взять себе несколько жен, для моего отца она была единственной женщиной на свете. Он часто говорил нам, что в ней для него заключается вся жизнь и весь смысл. Папа действительно обожал её и до конца своих дней благодарил судьбу за то, что там, в далеком детстве, Всевышний подтолкнул маленькую девочку съесть кусок чужого пирога!» – заключил Бенци и рассмеялся... Быть израильтянкой

Вы верите в ангелов? С некоторых пор я верю. И произошло это после знакомства с одной удивительной женщиной, которая явилась для меня настоящим подарком Святой Земли Израиля. Встреча с ней помогла понять, что есть такие люди, которые являются проводниками чего-то неизмеримо большего, чем мы. Сама вселенная выбирает их как инструмент изменения судеб, чтобы помочь нам обрести себя. Они не мнят себя великими учителями, гуру, ясновидцами. Они простые и открытые как дети, их действия предельно искренние, прямые, чистые. И они ничего не знают о своем

даре, а если знают, никогда не говорят о том, что он у них есть. Наверное, они понимают, что к ним всё это имеет весьма опосредованное отношение, ведь их послания подобны запечатанным письмам, содержание которых предназначено только адресату.

Для меня история этого знакомства началась задолго до встречи с ней. Я сидела на одном из обязательных для психолога сеансов супервизора. Мы разбирали очередной случай из моей практики, и речь зашла о моем детстве. Он о чем-то говорил, я слушала отчасти, но внутри задавала себе вопрос: «Может ли человек по-настоящему освободиться от груза неблагополучного, трагического детства?» И спросила об этом моего коллегу. Он высказал мнение о том, что можно помочь человеку принять свое прошлое, но избежать его неблагоприятного влияния практически невозможно, ведь доподлинно известно, что именно в детстве формируется личность и так далее, и так далее...

Я слушала и думала: «Так ли это?» Мне не хотелось верить, что вещи невозможно кардинально изменить. Внутри всё бунтовало: я верила, что человек наделен куда большей свободой выбора, чем это принято считать! Именно тогда, когда эти мысли захватили всё сознание, в мою жизнь пришла она...

Мы встретились случайно, но сразу же между нами возникло особое притяжение. В ней была такая обнаженность, детская непосредственность, которой уже просто не бывает

в её возрасте. Буквально после получаса общения она рассказала мне свою личную историю, которая кардинально изменила мой взгляд на жизнь и на то, что происходит с нами на самом деле.

В этом рассказе я буду называть её Соломея. Имя, разумеется, вымышленное. Она родилась в тридцатых годах прошлого века, еще до возникновения государства Израиль. Вся её жизнь неразрывно связана с историей этой удивительной страны. Отец был одним из первопроходцев, тех, кто строил Тель-Авив. Будучи маленькой девочкой, она помогала папе делать макеты улиц и домиков, а потом видела, как всё это воплощалось в реальности. Они были очень близки, но отца девочка видела редко – он был занят сутками напролет.

Её мать, потеряв первого ребенка, буквально помешалась, и когда родилась маленькая Соломея, она совершенно её не воспринимала как свое дитя. Забывала покормить, забывала дочку в очереди за продуктами, не приучала ходить на горшок и пользоваться столовыми приборами. Девочка росла буквально на улице. Когда случались бомбежки, из окон летели стекла, всех детей вокруг родители прятали и оберегали, но только не её. Мать периодически заходила в беспричинных истериках и избивала дочь так, что до сих пор у нее есть проблемы с позвоночником. Одним словом, мать была психически больна и совершенно неадекватна.

Как бы отреагировало большинство детей на подобную ситуацию? Как правило, дети либо становятся затравленны-

ми и несчастными, либо злобными подобно загнанным в угол зверькам. Но только не Соломея. Она – исключение из правил. С этой маленькой девочкой стали происходить удивительные вещи. Она помнит до сих пор, как во время очередной бомбежки, когда мать убежала, оставив её одну, девочка в свои четыре с половиной года осознала, что с мамой что-то не так. Она рассказывала, что в результате размышлений пришла к такому выводу, исходя из своих наблюдений за другими детьми и мамами.

И что же? Можно было по-разному отнестись к происходящему. Например, начать себя жалеть и завидовать другим детям, причитая о том, как ей не повезло, сетовать на злую судьбу. Но выбор этой девочки оказался другим: отнестись ко всему иначе. Она решила, что мир полон возможностей, и раз её мама не может позаботиться о ней, то она сама возьмет из мира то, что ей необходимо и больше нравится.

Так, девочка пришла к многолетней соседке, которая оказалась ей самой заботливой мамой из всех, кого она видела. Соломея попросила научить её всему, что положено знать маленькой девочке. Конечно, женщина не смогла отказать такому кудрявому, худенькому ангелу и полюбила девочку как своего собственного ребенка. Эта женщина научила её ходить на горшок, ухаживать за собой, пользоваться столовыми приборами, готовить, а старшие дети научили маленькую Соломею читать и писать.

Она была удивительно любознательной девочкой и всегда

внимательно слушала, что говорят люди. Так однажды она поняла, что для того чтобы было больше еды и всем её хватало, нужно больше денег. Задумалась, а откуда они берутся? Соломея ходила и задавала вопросы всем подряд: как же зарабатываются деньги? Собрав мнения большого числа людей, она пришла к выводу, что деньги платят взамен на то, что ты предоставляешь людям что-нибудь, в чем они нуждаются. Тогда Соломея призадумалась, что же такого она может предложить миру в свои пять лет?!

В то время в Израиле существовала система продуктовых талонов, еды на всех не хватало, люди простаивали огромные очереди за молоком и хлебом, многим приходилось вставать в пять утра, чтобы успеть получить продукты до начала работы. И тут наша героиня поняла, что то, чего у нее предостаточно, так это свободного времени. И она предложила свои услуги – постоять в длинной очереди, пока люди занимаются своими делами. Взамен она брала немного денег, всего шекель. Писала номер очереди на ладошке и стояла в ней часами, получала для других людей их продукты по талонам. «Так что с самого раннего детства у меня всегда было полно денег» – смеялась Соломея, рассказывая мне эту историю. «С тех пор я никогда не боялась нищеты и была уверена, что мир всегда нуждается в чем-то, что я могу ему дать, главное – к нему повнимательнее присмотреться». Я спросила: «Наверное, безумно утомительно для ребенка стоять в очереди часами?» На это она ответила: «Вовсе нет, даже

наоборот!» У нее было время для общения, она встретила там множество интереснейших людей. Соломея совершенно не стеснялась разговаривать с незнакомцами, задавать им вопросы. Люди тоже скучали в очередях и с удовольствием вступали в беседу, чтобы скоротать время.

В конце сороковых в Израиль приехало большое число выдающихся еврейских умов. Это были ученые, профессора лучших университетов Европы. В этот период царил послевоенный хаос и разруха, конечно, не существовало никакой упорядоченной системы образования. Наша маленькая Соломея сама выбрала себе учителей из тех, с кем заговаривала на улице или в очереди, из тех, кто селился в соседних домах. Все видели вокруг хаос, жизнь впроголодь, разруху, но только не она! Она видела мир как место удивительных приключений и безграничных возможностей.

Жажда знаний неумолимо влекла её вперед. В те времена многие люди сдавали свои книги в библиотеку, чтобы получить еще немного денег, и наша маленькая героиня подружилась с женщиной, которая там работала. Она помогала разбирать и расставлять книги, а взамен получала на выходные то, что хотела почитать. Когда же её заинтересовало, что же это такое – быть еврейкой, она сама нашла себе мудреца раввина, который согласился встречаться с ней раз в неделю и приезжал для этого из другого города.

Маленькая девочка открыла для себя особое свойство окружающего мира и очень рано поняла, что мир – это место, которое хочет давать и делиться. И когда её запрос шел из самого сердца, то мир наполнял её до краев, знаниями,

заботой, теплом.

Как-то я попыталась рассказать ей о ней самой, о том, что она – чудо, о том, как я её вижу. Соломея внимательно выслушала меня, а потом ответила: «Что тут такого, это ведь и значит быть израильтянкой». Я спросила: «Быть израильтянкой? Что это значит?» Она ответила: «Быть израильтянкой – значит верить, что можно создать всё что угодно из ничего! Создавать что-то из ничего – это самое увлекательное занятие, именно поэтому, сколько бы мест работы мне не предлагали – в Америке или в Европе, – я всё же решила остаться в только что образовавшемся государстве Израиль. Кроме солнца, моря, песка и людей, тут, по сути, не было ничего. Мы получили уникальную возможность с нуля создать свой мир, свой город, свой университет. Это потрясающее чувство, что прямо сейчас ты творишь историю...» В этом вся Соломея!

Я встретила эту женщину, когда ей было за семьдесят, но на меня всё ещё смотрели глаза ребенка с искорками и жадной новостью. Когда мы сидим в кафе, она успевает познакомиться со всеми присутствующими, перекинуться парой слов с детьми, которые к ней так и липнут. У нее феноменальная память и прекрасное зрение. Она посещает самые разные лекции, конгрессы и считает, что мышление – это мышца, которую надо постоянно держать в тонусе. А самое главное – она абсолютно и стабильно счастлива. Счастье из нее буквально сочится. Эта женщина овладела десят-

ком языков, стала профессором, выдающимся ученым, создала свое собственное направление в когнитивной и медицинской психологии, написала множество книг, воспитала несколько поколений студентов, прожила счастливую жизнь со своим мужем...

Она – ангел, посланный небом. Эта удивительная женщина стала для меня словно маяк в ночи, образцом и доказательством того, что наши возможности не ограничены первичными условиями, в которых мы рождаемся, что на определенном этапе все мы получаем право выбора, если готовы к такой невероятной свободе, дарованной нам мирозданием и способны объять безграничные возможности.

Встречаясь с ней, я всегда думаю: какое всё-таки удивительное место – этот мир. В нем по одной земле ходят люди и ангелы. И когда я обнимаю мою худенькую Соломею при встрече, то закрыв глаза и притаившись, вижу свет и слышу еле различимый шелест её крыльев... Выбираю Жизнь

Среди моих друзей-израильтян есть одна женщина по имени Хава, в России её бы называли Евой. Как и многие местные жители, она открытая, энергичная и простая. Члены её семьи, вернее, те немногочисленные родственники, что выжили после войны, перебрались из Европы в Израиль. Пару последних столетий все представители рода были портными, вот и она пошла по стопам предков – стала дизайнером одежды, обшивая на заказ состоятельных дам.

Большинство израильтян охотно рассказывают о своей

жизни, и Хава не является исключением. Однажды мы отмечали день рождения нашей подруги и сидели небольшой женской компанией в ресторанчике возле моря. Виновнице торжества все желали крепкого здоровья до ста двадцати, а Хава подняла бокал за женское счастье. И разговор зашел на эту тему. Именинница сокрушалась, что похоже ей не фартит в этом вопросе, так как она развелась год назад, нового милого пока не намечается, и видимо женское счастье ей не светит.

Внимательно её выслушав, Хава рассказала потрясающую историю о своей «женской жизни».

Она была воспитана в сдержанных европейских традициях, но рожденная в жарком Израиле, её душа жаждала свободы, будучи молоденькой девчонкой, она без памяти влюбилась в черноглазого красавца, повесу и карточного игрока, которого случайно встретила в центре города. «Я увидела его, и меня словно прожгло насквозь. Любила его до дрожи, до фанатизма, как кошка» – эмоционально и громко сказала Хава со своей широкой, белозубой улыбкой. Ей едва исполнилось восемнадцать, когда она первый раз забеременела. Эмоциональное напряжение и постоянные измены благоверного вымотали её, на седьмом месяце беременности у нее родился недоношенный малыш, который умер через несколько дней. Возлюбленного, как и следовало ожидать, не оказалось рядом, она справлялась с горем одна. Переехала к родителям, хотела всё зачеркнуть, забыть, начать с нуля.

Но муж – опытный оболъститель, прислал ей целый грузовик цветов, пал в ноги, молил о пощаде, говорил, что не может жить без нее и готов оставить прошлую жизнь. Она поверила и более того, убедила родителей выкупить его долги и дать им денег на первое время. Потом была вторая беременность. После пятого месяца муж запил и стал пропадать за карточным столом, она снова потеряла ребенка... Новая попытка уйти, снова слезы и мольбы, его обещание пройти курс лечения от игровой зависимости. Им удалось найти хорошего специалиста, и жизнь наладилась. «Это были пять лет безоблачного счастья» – со вздохом сказала Хава. Родители подарили им квартиру, и за эти годы она родила троих детей, но пагубная страсть всё же взяла свое. В один прекрасный день к ним в дом постучали государственные служащие, которые пришли конфисковать имущество. Семья оказалась на грани полного разорения, муж задолжал всему миру огромные деньги.

Хава подала на развод. По закону всё нажитое во время брака делится пополам, в том числе и долги. Муж отсудил у нее половину квартиры и тут же спустил все деньги за карточным столом. Она осталась одна с тремя маленькими детьми на руках и огромными долгами мужа. Тогда-то и началась её первая предпринимательская деятельность. Помогли европейские родственники, прислали ей новомодную одежду на консигнацию. В Израиле в те времена с модной одеждой было негусто и она, собрав в охапку своих малы-

шей, ходила от двери к двери и продавала. Так и появились первые клиентки, многие из которых одеваются в её дизайнерской мастерской по сей день.

Как-то выкрутилась, жизнь потихоньку вошла в свою колею. Постепенно у Хавы появились первые работницы, и она решила, что необходимо дополнительное образование. Утром училась, вечером работала. По окончании курсов, на вечеринке в университете, она познакомилась с профессором. Солидный, степенный, чуть больше сорока, недавно развелся с женой, и его сердце было свободно для новой любви. Увидев танцующую кудрявую красавицу, он был буквально сражен её очарованием и темпераментом. И у молодой дизайнерши началась совершенно новая жизнь. Его звали Ариэль – одно из имен ангелов. «Он был действительно ангел, посланник небес» – с влажными от слез глазами сказала она, – любил меня абсолютно и беззаветно». Он носил её на руках, выплатил все оставшиеся долги и забрал девушку к себе в дом, вместе с тремя детьми, которых принял как родных, что впрочем, не редкость для Израиля, многие мужчины здесь обожают детей, совершенно не придавая значения тому, свои они или нет. В доме появилась няня, и Хава наконец вздохнула облегченно.

Ариэль был востребован по всему миру, много ездил на конгрессы, давал лекции и часто брал молодую жену с собой. Хава увлеченно рассказывала про их путешествия в Японию, Австралию, Европу, они исколесили вместе полмира. Так

прошли три года спокойного, надежного, семейного счастья.

«И ты любила его так же, как и первого мужа?» —спросила именинница. «Нет, – ответила Хава, – совершенно по-другому. С моим первым мужем это была страсть, огонь, а Ариэля я любила глубоко и спокойно, любила как родного человека». Через три года у него обнаружили опухоль мозга. Врачи сказали, что после операции он не сможет ходить, так как повреждены двигательные центры. Муж сел в инвалидное кресло. Но Хава не собиралась сдаваться. Год после операции она билась за него как тигрица – массажи, иглоукалывания, всевозможные процедуры, на которые она возила его каждый день. Несокрушимая воля и любовь победили недуг, через год он встал на ноги. Сначала ходил на костылях, потом с палочкой. Она вырвала его из лап инвалидности, но Ариэль уже не был прежним. Что-то в нем сломалось. Они прожили вместе еще пять лет, но всё держалось только на её воле и энергии. Он постепенно отдалялся. И однажды, посадив её напротив себя, сказал, что подает на развод, что не хочет, чтобы она теряла время со стариком инвалидом, что она достойна лучшей участи. Все уговоры были бесполезны. Он замкнулся в себе и переехал жить в отдельную квартиру. Вскоре после этого, врачи обнаружили, что его опухоль вернулась, он угас на глазах и скончался через несколько месяцев. «Я долго ходила на его могилу. Всё говорила с ним, спрашивала, зачем он покинул меня, почему выбрал дорогу смерти...»

Наступила долгая пауза. Именинница нарушила молчание: «Как же ты пережила это?!»

«Как пережила? Мне безумно не хватало Ариэля. Через год после его смерти я решила отправиться в путешествие по Японии, это была его любимая страна. Жила в нашем любимом отеле, посещала места, которые полны воспоминаний о нем. Я благодарила и прощалась с моим добрым ангелом, я отпускала его...» – ответила Хава тихо.

В самолете, на обратном пути в Израиль, она познакомилась с Омри – бывшим офицером, летчиком-испытателем, который теперь работал в одной из авиакомпаний. Он был вдовцом с двумя детьми и жил один после смерти жены вот уже десять лет. «С первой минуты у меня было чувство, будто мы знакомы тысячу лет. Проговорили практически всю дорогу, а когда прилетели в Израиль, и мне, и ему было понятно, что расстаться и потерять друг друга мы уже не можем. Не прошло и недели, как мы стали жить вместе. Так я и встретила любовь всей своей жизни» – сказала Хава и звонко рассмеялась.

– Бог мой, после таких-то тяжких страданий, наконец, к тебе пришло счастье, которого ты заслужила! – воскликнула наша подруга-именинница.

– Страданий!? Не говори так! – ответила Хава. – С каждым из этих мужчин я раскрыла разную себя, я любила всей душой, всем нутром. Познала настоящую страсть и нежность, пережила и горечь потерь, и радость побед. Всё это

была Жизнь, настоящая полноценная Жизнь, во всех её проявлениях.

– Не понимаю, ну как тебе это удастся? После таких-то ужасов! – спросила подруга.

– Что бы ни происходило, как бы ни было тяжело, я знаю, что испытания нужны, чтобы подготовиться к следующему этапу. Я верю, что Бог хочет давать нам всё больше счастья, поэтому всегда выбираю Жизнь! За это и выпьем! Лехайм*****! – громко сказала она и, осушив остатки вина в своем бокале, потащила нас танцевать...

***** *Лехайм* – за жизнь (иврит)

Часть пятая:
Истории участнико
проекта
«Живое Слово»

«Живое Слово» рождается в глубинах души, и приходит оно из бескрайних просторов внутренней вселенной только тогда, когда чувственная обнаженность абсолютна, когда, переживая сильную эмоцию, мы стремимся поистине глубоко познать ее, выразив в Слове...»

(Леа Веденски, 2015 г.)

«Вначале было слово...» – сколько раз мы слышали это выражение! Но на разных этапах жизни его смысл всегда раскрывался по-новому. Например, сейчас я думаю, что и потом тоже было слово, а за ним следующее, и так до бесконечности. Речь – это то, что поистине отличает нас от животных, мы и не ведаем той подлинной силы, что дарована нам природой. Начав работать со словом-понятием, я ощутила его огромную энергию, стала отмечать, как мы можем убить словом и воскресить им; как можем полностью изменить свой Путь, если чье-то «животворящее слово», несущее глубокий смысл, тронуло нашу душу. Порой мы не осознаем, как именно, в каких выражениях, своим словом даем надежду или лишаем её. Так целые эпохи были освящены или обескровлены словом, идеей.

Тончайшие процессы тела, мозга и души участвуют в том, чтобы выразить наши чувства и понимание в слове. Для меня это остается таинством, но с опытом, на каком-то глубинном уровне мне начинают раскрываться закономерности и зыбкие взаимосвязи того, как именно постигаемые нами

чувства, затем выражаемые в словах, способны влиять не только на события, но и на телесные, химические процессы.

Можно бесконечно перечислять имена великих ученых, исследовавших эту тему. Существует тысячи теорий. Но! Чем больше я соприкасаюсь с этим явлением, тем больше убеждаюсь, что эта реальность абсолютно индивидуальна для каждого. И только начав работать с собственным словом, текстом, человек может постичь ведомые ему одному взаимосвязи. Именно там, во внутренней словесной вселенной, которая пульсирует и дышит, а порой и действует, выходя за рамки всех закономерностей, скрыты причины происходящего. Вот это и есть по-настоящему захватывающее исследование, ведь что может быть интереснее для нас, чем мы сами?!

Как психолог я часто работаю с текстами людей, обращающихся ко мне за помощью, прошу их описать на бумаге свои проблемы. В течение многих лет я искала метод, который, с одной стороны, помог бы людям выразить свой болезненный опыт, а с другой, позволил прожить эту «боль» неразрушительно, творчески, с пользой для собственного развития.

Так и родился формат психотерапевтических литературных групп, где участники учатся не только выражать себя в тексте, но и анализировать происходящее через свое лингвистическое пространство; это работа со словом, с его душой, с его внутренней жизнью. Благодаря независимому взгляду друг на друга со стороны мы раскрываем те тайны о самих

себе, которые просто невозможно постичь в одиночку. И теперь я убеждена, что «слово», при внимательном рассмотрении, отражает как в зеркале и наши тонкие неисправленные места, и скрытые ресурсы, способные привести всё в гармонию.

Я верю, что у каждого человека без исключения есть своя сильная история, свой уникальный опыт познания жизни, которым он мог бы поделиться с окружающими. Для этого совсем не обязательно быть выдающимся деятелем, писателем или ученым. За годы практики я убедилась в том, что если люди получают возможность, а главное благодатную среду для выражения своих чувств и самораскрытия, то в них порой обнаруживаются несметные духовные сокровища. Если человеком движет подлинное желание поделиться важным опытом, отдать миру то, что он постиг, это делает его духовно сильнее, помогает изменить отношение к тяжелым событиям собственной жизни, увидев в них совершенно иной, созидательный и глубокий смысл.

В процессе наблюдений за работой подобных групп я пришла к некоторым выводам: если человеку удастся посмотреть на тяжелые события своей жизни со стороны, а затем литературно описать их, то в процессе ему раскрывается их «сценарная ценность», что способствует развитию особого восприятия, которое я называю «мышлением автора».

Поясню, что я имею в виду под «сценарной ценностью». Все мы знаем, что именно делает литературное произведе-

ние по-настоящему насыщенным, интересным, захватывающим – это проблемы, кризисы и задачи, которые решает герой, его подвиги и прорывы. Так мы имеем возможность, отождествившись с ним, прожить этот опыт вместе и перейти в другое состояние. Таким образом, когда человек смотрит на ситуацию как писатель, как автор, который сам творит свою историю, он становится способен извлекать из нее совершенно иные смыслы, по-другому видеть генеральную идею всего происходящего. А трогательней за душу его история может быть только в одном случае, если эти слова рождаются из настоящей, живой эмоции, из боли и радости, из крика, из обнаженной души. Эти слова я называю «Живыми Словами», словами, которые родились в горниле подлинного проживания.

Сколько раз во время своей работы с людьми я наблюдала волшебство и таинство, когда слово сказанное или услышанное полностью меняло восприятие реальности, словно пелена спадала с глаз! А люди, находясь в глубоких постижениях, становились немислимо красивы, потому что «Живое Слово» буквально освещало их изнутри, их глаза становились подобны вратам в другие миры...

Текст дает возможность выразить вещи, которые человек порой не в состоянии сказать напрямую, ведь на них бывает тяжело смотреть без «оболочки» – они эмоционально слишком сильны и могут ранить. Например, очень сложно сказать лично о своих чувствах к отцу, с которым человек годами не

общался, но если написать ему письмо, то это представляется более реальной задачей. Не говоря уже о том, что у обеих сторон появляется возможность много раз прочитать написанное, и всё, что не было воспринято сразу, может быть воспринято позже, за вторым или третьим прочтением.

Другим примером эмоционального освобождения являются письма близким, которых уже нет в этой жизни. Невысказанные слова, адресованные умершим, которые люди могут носить в сердце годами, найдя выход на бумаге, облегчают душу, у автора наконец появляется энергия и силы двигаться дальше.

Несколько таких текстов и писем, созданных участниками литературно-терапевтических групп проекта «Живое Слово», вошли в данный раздел сборника. Рассказы участников проекта «Живое Слово»

Родион Копял

Профессий у меня много: плотник, столяр, массажист, инженер электронщик, но по призванию я персональный коуч – этим люблю заниматься больше всего.

Участие в проекте явилось для меня большой ступенью на пути к самому себе, а знакомство с авторским методом Леи Веденски, руководителем проекта, стало по-настоящему по-

знавательным и обогащающим. В своем произведении «Люда, Людочка» я поделился историей, которая действительно произошла со мной. Мой посыл к читателю заключается вот в чем: не бойтесь любви и, уж тем более, не бойтесь выражать её в словах по отношению к своим любимым, близким и родным людям. Никто не знает, сколько каждому из нас суждено прожить, так не откладывайте на завтра и дарите сегодня всё тепло, которое у вас есть. Люда, Людочка (Письмо из глубины сердца)

Привет, Люда! Людочка, Людмилочка моя.

Исписываю очередной лист, все предыдущие сиротливо валяются скомканные на полу. Начинаю это письмо уже в сотый раз. Не знаю почему. Может быть потому, что столько всего накопилось и так сильно щемит в груди. И, как всегда, не знаю с чего начать.

К слову сказать, вообще давно не писал никому писем, да и кто их пишет в наше время, интересно знать.

Помнится, еще, когда я был на практике, буквально осыпал тебя письмами, а однажды даже отправил голосовое послание, записав свою речь на магнитофонную кассету. Спустя время, было очень приятно узнать, что ты хранила эту кассету даже тогда, когда магнитофоны стали историей.

Ну вот, наконец-то я чувствую, как постепенно лист заполняется тем, что я когда-то очень хотел сказать тебе, но так и не смог...

В памяти кинолентой проносится время, когда мы были

вместе... И в каждом кадре я был счастлив, но то ли боялся это признавать, то ли принимал как нечто само собой разумеющееся, практически никак не выражая этого. Наверное, я боялся или попросту не умел, а может то и другое. Хотя в тот момент, когда мы оказались далеки друг от друга, явно осознавая утрату, я, хоть и скупно, но делился с тобой своими чувствами и переживаниями. Говорил, что тоскую, но описывал всё настолько сухо и завуалированно, что лишь по интонации можно было уловить глубину и искренность.

Даже спустя десять лет, когда мы встретились в Москве и с упоением проговорили всю ночь, я не смог выразить, что долгие годы помнил о тебе и никогда не переставал любить. Словно Герасим мямлил не очень внятное «му-му» – смех сквозь слезы, да и только!

А потом опять отложил это до «лучших времен». Господи, как же я злюсь на себя за это, как жалею, что не смог! Часто задаюсь вопросом, как бы сложилась наша судьба, если бы я не боялся своих чувств и сказал тебе всё как на духу?

Ответ на этот вопрос всегда один – жизнь была бы ярче, полней, насыщенной, и я уверен, что в ней мы были бы вместе...

Теперь тебя уже нет в этом мире, но для меня ты всё еще здесь, в моей памяти, в сердце. Там, в тайном уголке, скрытом от посторонних глаз, ты по-прежнему жива. Часто вспоминая тебя, согреваюсь чудесным теплом. Даже не знаю, как это описать... Наши встречи пролетали со скоростью света,

но всё же сейчас я попробую остановить это зыбкое мгновение, для того чтобы сказать, как сильно я люблю тебя.

Мысли о тебе – всегда как глоток живой воды, проникают в каждую клеточку моего тела, наполняя светом, радостью и неповторимой легкостью.

Вот почему-то сейчас мне вспомнилось, как пару месяцев назад мы встретились во сне. Как будто в Университете Тель-Авива я увидел тебя в толпе. Заметив мой взгляд, ты молча подошла и передала мне записку – маленький такой, оранжевый листок бумаги. Я не смог разобрать, что там написано, хотел спросить, но ты исчезла так же внезапно, как и появилась, и я проснулся.

Это было так реально. Бешено колотилось сердце, я даже бросился проверять карманы брюк, надеясь отыскать тот заветный листок бумаги, но его там, конечно, не оказалось.

Обещаю тебе, что больше не буду запира́ть место в моём сердце, где ты живешь. Я скрывал его, чтобы постоянно возвращаться туда. Там всё это время жила и томилась моя любовь, будто волшебный эликсир, настоящий годами в крепкой дубовой бочке.

Вот, смотри, теперь я оставляю дверь не запертой, чтобы та, которой суждено быть со мной, смогла насладиться им сполна. Обещаю, я больше не буду жадничать.

Уверен, тебе бы понравилось мое решение.

Людочка, мой свет, моя яркая звездочка! Я очень люблю тебя. Всем сердцем благодарен, что ты была в моей жизни.

Спасибо тебе за множество моментов... нет, это всё еще не те слова...

Ты – волшебный, сверкающий светом отрезок моего пути, который полон счастьем и теплотой близости, доверием и любовью, которые навсегда останутся со мной.

Я уверен, мы еще встретимся в следующей жизни или в снах.

Целую тебя очень бережно. Отпускаю тебя.

Твой Родион.

P.S.: Что же это такое – любовь? Никто так и не смог дать однозначный ответ. Это понятие слишком многогранно и всеобъемлюще. Содержание моего письма кому-то покажется простой банальностью, а многие просто отмахнутся, мол, это всё бред и розовые сопли, иные же задумаются. Найдутся и те, которые отнесутся к нему как к руководству к действию.

«Отложить до лучших времен» – это не оправдание... Большинство людей ведут себя так, словно будут жить вечно. Никто не задумывается о том, что в любой момент они сами, их близкие, могут попросту уйти из жизни. Только тогда они начинают сокрушаться о том, чего не сделали и не сказали, но, увы – лучшим временам уже не бывать.

Я хочу сказать вам, что пока горит свеча жизни, так многое можно успеть и исправить! Даже если душа уходит в пятки от страха стать уязвимым, даже если совсем нет подходящих слов... Этих «если» огромное количество, и плодятся

они в нашей голове с фантастической скоростью.

Именно в тот момент, когда страшно, неловко, неудобно, не подходящее время и так далее. Именно тогда, найдите всего одну причину, чтобы поделиться любовью со своими близкими.

Любовь – это костер, и, чтобы не погасло пламя, чтобы не иссякло тепло сердца, чаще подбрасывайте туда поленья. И если уж так случилось, что у костра вы остались в одиночестве, даже тогда – не скупитесь, ведь этот костер согреет не только вас... Татьяна Соколовская

Профессионально занимаюсь графическим дизайном – это мое любимое дело. Человек я домашний, мне очень важно личное пространство, потому предпочитаю его не покидать и работаю дома.

Я очень эмоциональная, но свои чувства храню при себе и редко даю им волю. В те занятия, которые мне интересны,

ухожу с головой, порой это доходит до крайности. Обожаю японский язык, хочу научиться говорить на нем и по-настоящему понимать его смыслы.

Участвуя в проекте, я получила возможность познакомиться с интересными людьми и в очередной раз убедиться в том, что не только материальные ценности делают нас счастливыми. Своей сказкой я хотела напомнить, насколько важно ценить саму жизнь и то, что происходит между нами: теплые отношения, заботу, близость, любовь, доверие. Счастье. Сказка для детей и взрослых

Представьте себе мир, наполненный множеством деревьев, цветов и живописных водоемов. А люди, которые его населяют, живут в дружбе и согласии. Они ходят на пикники, веселятся и смеются. Каждый новый день для них – радостное событие, ведь они могут насладиться им со своими родными и близкими. Казалось, ничто не могло нарушить их счастья, но оно, почему-то, постепенно начало угасать, пока и вовсе не исчезло. Взрослые перестали уделять внимание друг другу и своим детям. Они забыли о своих чувствах, погрузились в суету и рутину, стараясь заработать как можно больше денег. Улыбки с их лиц совсем пропали. Уже не было веселья, не слышался звонкий смех. Городские небоскребы всё больше стали вытеснять природу, и от былых красот практически ничего не осталось. Каждый день строились новые заводы, которые загрязняли воздух, землю и воду. Солнце еле-еле пробивалось сквозь облака смога, а в ночном небе

больше не было видно сияющих звезд.

Жил в этом мире особенный мальчик лет десяти, с волосами цвета солнца. Со стороны он ничем не отличался от остальных детей. Его мама и папа постоянно пропадали на работе. После школы, как и все одноклассники, мальчик сразу шел домой. А дома его ждали лишь одиночество и пустота. В голове постоянно крутились мысли, что всё должно быть по-другому и что-то с миром не так. Он не понимал, откуда появилось это чувство, но когда думал об этом, сердце начинало биться быстрее от тоски и волнения. Мальчик изо всех сил старался отключиться, не обращать на это внимания, пытался убедить себя, что с ним всё хорошо, и он такой же, как другие, но все его старания были напрасны.

Однажды ночью, пока он спал, с ним произошло нечто удивительное. Мальчик увидел странный сон, а приснился ему далекий свет, да такой яркий и ослепляющий, что от неожиданности мальчик резко проснулся, ведь обычно в его снах всегда была темнота. «Ничего себе! Что это было?» – подумал он. От возбуждения и любопытства ему даже спать расхотелось.

Мысли о минувшей ночи одолевали мальчика весь следующий день. Ему очень хотелось поделиться с кем-нибудь своими чувствами. И не успели мама и папа зайти в дом после работы, как он принялся возбужденно рассказывать им о своем сне. Но мама оборвала его на полуслове, велела немедленно успокоиться и отправляться делать уроки. А папа и

вовсе не слушал, погружившись в чтение газеты. Разочарованно посмотрев на родителей, мальчик убежал в свою комнату. Он забрался под одеяло и неустанно твердил себе: «Надо быстро заснуть, заснуть...»

Вскоре ему это удалось, и он вновь увидел свет. На этот раз он уже не был таким далеким, как в первый, более того, он приближался и становился всё ярче и ярче. В ту ночь в душе мальчика зародилось понимание, что света можно не бояться, он почувствовал, как от него веет теплом. И день за днем, он с нетерпением ждал ночи, чтобы погрузиться в сон и снова увидеть и почувствовать этот чудесный, согревающий свет.

Какого же было его удивление, когда в одну из ночей, он увидел в этом свете девочку с длинными, блестящими волосами. Она была в белоснежном платье, которое искрилось множеством маленьких огоньков. Мальчик долго её разглядывал и понимал, что она точно не из его мира, не только потому, что девочка была ослепительно яркой, еще и потому, что её огромные глаза лучились улыбкой, и она парила в воздухе словно птица. От завораживающей красоты незнакомки просто невозможно было отвести взгляд.

Наконец мальчик пришел в себя и спросил:

– Кто ты?

– Я – Хранительница... – ответила девочка.

– А что ты хранишь? – тут же поинтересовался мальчик.

В ответ девочка сняла со своего платья один из огоньков

и протянула ему. Он бережно держал в ладонях излучающий тепло дар. Его свет становится всё ярче и ярче, он слепил глаза, и их пришлось зажмурить. Как вдруг, перед взором мальчика открылась другая жизнь. Он увидел любящих маму и папу, которые играли с ним и звонко смеялись. Увидел своих друзей, но они не были серьезными и мрачными, как обычно, а улыбались и были полны доброты. И тут он начал понимать, что именно этого ему всегда не хватало, в нем словно пробудились ранее неведомые или давно забытые чувства.

Когда мальчик открыл глаза, то заметил, что огонька в его руках уже нет, а девочка медленно уплывает, постепенно отдаляясь. И тут он резко проснулся...

Всё еще была глубокая ночь. Распахнув окно спальни, он посмотрел на темное ночное небо и впервые увидел там одинокую звезду. Мальчик сразу понял, что это его звезда, что каким-то непостижимым образом пережитые им чувства и эмоции зажгли её в крошечной тьме.

Утром, по дороге в школу, мальчик внимательно смотрел на людей. Он заметил, что их всех окутывает странный серый туман, а каменные лица ничего не выражают. Люди бесцельно брели куда-то, не обращали друг на друга никакого внимания, все их взгляды были устремлены внутрь.

Вечером мальчик опять попытался рассказать всё маме и папе. Ему очень хотелось вызвать у них хоть какие-то добрые и приятные эмоции. Но родители по-прежнему не желали

обращать на него никакого внимания. «Как же мне одиноко и больно» – подумал он и глубоко вздохнул.

И тогда мальчик решил, что обязательно попросит волшебную девочку раздать всем людям огоньки, разжигающие чувства, которые она носила на своем платье. Но, к сожалению, девочка больше так и не появилась ни этой, ни другой ночью, сколько бы он её ни ждал.

Много дней мальчик ходил грустный, пытаясь понять, почему волшебная девочка больше не приходит. Пока однажды его не осенило – «Я сам отправлюсь на поиски и непременно найду ее! И тогда попрошу раздать людям огоньки».

Накануне вечером он сидел у окна и размышлял, откуда же следует начать поиски. И вдруг, словно прочитав его мысли, одинокая звезда в небе засияла ярче обычного.

«Решено! – воскликнул мальчик. – Отправлюсь за звездой, и она непременно укажет мне верный путь». С такими мыслями мальчик принялся собирать самые необходимые вещи в свой школьный рюкзак. «Фонарик, веревка, мамин теплый плед, папина фляжка с водой, немного хлеба, яблоко и любимые печенья. Вроде ничего не забыл!» – бормотал мальчик, застегивая сумку.

Этой же ночью он и отправился в путь. В дороге ему помогал фонарик, а когда мальчик останавливался перекусить, то кутался в мамин плед, чтобы не замерзнуть, ночи были холодные. С рассветом, когда звезду было не видно, он отдыхал и отсыпался, а с приближением вечера снова отправ-

лялся в путь. Ночь за ночью он следовал за звездой, пока она не скрылась за вершиной огромной горы. «Может быть, я встречу девочку на вершине этой горы?» – подумал мальчик и принялся подниматься. Путь в гору оказался очень тяжелым, местами приходилось лезть по веревке, но мальчика это не остановило, он с упорством продолжал подниматься всё выше и выше. Три дня и две ночи мальчик взбирался, пока, наконец, не добрался до самой вершины. Он оглянулся вокруг и увидел облака, они плотным слоем окутывали землю. Яркое солнце над ними страшно слепило глаза. Только сейчас мальчик почувствовал, как сильно устал, присел отдохнуть и тут же провалился в сон. Засыпая, он мечтал снова увидеть волшебную девочку, и какого же было его удивление, когда, едва приоткрыв глаза после пробуждения, он увидел её. Была уже глубокая ночь, поэтому девочка ослепительно сияла на фоне темного неба.

– Наконец-то я тебя нашел! – воскликнул мальчик.

– Зачем ты меня искал? Ты ведь уже получил свой огонек, – удивилась она.

– Пожалуйста, дай огоньки еще и моим маме и папе, и всем остальным вокруг. Очень тебя прошу! – сказал мальчик.

– Люди не заслуживают этого, они сами виноваты, что потеряли свои чувства-огоньки. В погоне за богатством и властью им было всё мало, они хотели больше и больше! Так что, это всё их вина! – холодно ответила девочка, отверну-

лась и стала отдаляться.

– Постой, – окликнул её мальчик, – умоляю тебя, скажи, что я могу сделать, чтобы ты вернула людям их огоньки?

Девочка вернулась, подплыла к мальчику, долго смотрела ему прямо в глаза и, наконец, ответила:

– Я могу вернуть их, но взамен заберу у каждого человека то самое дорогое, что у него есть!

Мальчик глубоко задумался.

– Я уверен, что люди смогут понять, почему их лишили самого дорогого, и больше никогда не забудут о своих истинных чувствах, о своем счастье! – ответил он.

– Ну что же, хорошо, будь по-твоему! – сказала сияющая девочка.

И сняла она со своего платья все огоньки и отпустила их в черное небо...

Наступило утро. Люди проснулись и сразу почувствовали, что в их мире всё изменилось. Они выходили на улицу и видели яркое солнце. Туман, окутывающий их, совсем исчез. Забытые чувства и эмоции вернулись, и на лицах появились первые улыбки.

Но недолго длилась эта радость. Людей переполняло чувство счастья, которым они очень хотели поделиться с родными и близкими, но, оглядываясь по сторонам, никак не могли их найти. Волшебная девочка забрала частички памяти. Люди стояли рядом, но не узнавали друг друга. И тогда весь мир переполнился скорбью и слезами. Много дней и ночей,

люди, которые вновь обрели все чувства, горько плакали...

– А-а-а... Н-е-е-т, – вскрикнул мальчик и резко вскочил с постели. Он оглянулся и понял, что находится в своей спальне. Незнакомый гул и солнечный свет лились из окна. Мальчик прямо в пижаме выбежал на улицу и увидел множество людей. Они обнимались и улыбались друг другу. Радости не было предела. Удивительно, но им всем приснился один и тот же сон, будто мир утонул в слезах, и еще, что они никак не могли вспомнить лица своих родных и близких. Но теперь, когда они проснулись, слезы радости и счастья наполнили их глаза от понимания, что все, кто им дорог, находятся рядом.

Это маленькое чудо заново открыло сердце каждого человека, и обещание никогда не забывать в чем истинная ценность жизни, глубоко поселилось в их душах.

Мальчик широко улыбался. Крепко держа за руки маму и папу, он внимательно разглядывал лица людей. Вдруг, ему показалось, что в толпе он увидел девочку, ту самую волшебную девочку, но сейчас на ней было обычное платье, и она не парила в воздухе, а стояла на земле. Девочка оглянулась, прищурилась, пристально посмотрела ему в глаза, а потом мягко улыбнулась.

– Спасибо! – безмолвно произнес мальчик только губами.

Он знал секрет о том, что на самом деле произошло, и что он навсегда останется между ним и волшебной девочкой – Хранительницей Света... Наталья Левитин

По профессии я пенсионный страховой агент. Замужем, мама троих замечательных детей. По натуре энергичная, постоянно ищущая новых впечатлений, а также мечтательница-фантазерка. Люблю походы на природу со всей семьей и обожаю собак, у нас их целых две!

В проект «Живое Слово» меня привело желание попробовать себя в чем-то новом. Во время наших встреч я много

вспоминала себя, когда была ребенком, о маме, ныне покойной, о тоске и одиночестве, которые так часто испытывала в детстве. Мой рассказ, прежде всего, адресован всем родителям. Я хотела передать в нем то, что испытывает ребенок, оставаясь дома один, когда мы не находим для него места в нашей «взрослой жизни».

Я хочу сказать вам, дорогие родители. Берите своих детей с собой, призывайте к этому ваших друзей, ведь активно включая их в свою жизнь, мы дарим им счастливые воспоминания детства. Мамина вечеринка

– Ну, всё, я пошла! Не волнуйся и не переживай, как ты любишь это делать! – мама чмокнула меня в щеку на прощанье.

– И не жди меня, ложись спать, я вернусь поздно. Со мной ничего не случится! Слышишь? – высоко подняв брови и глядя мне в глаза, громко сказала она.

Мама опять идет на вечеринку к друзьям, а я снова буду сидеть дома, ждать пока она вернется и волноваться, волноваться, волноваться...

Мы живем в городе полном криминальных типов, и мама мне всегда наказывает:

– Не вздумай никому двери открывать! Если увидят, что ты одна дома, – всё что угодно сделают! И пикнуть не успеешь!!!

Уже десять вечера. Надеюсь, что она скоро придет! Ну почему, почему мама не берет меня с собой?! Ведь раньше же

всегда брала, и мы так классно играли с мальчишками – сыновьями её подруг. Вот у Вовки, например, есть турникет дома, а я так люблю на нем висеть вниз головой, раскачиваться и ни за что не держаться. Когда меня за этим занятием увидела тетя Наташа, мамина подруга, её чуть приступ не хватил. Она очень испугалась, что я на голову свалюсь и ударюсь о голый пол...

– Ты уже совсем большая! И потом, там все будут без детей, – ответила мама на просьбу взять меня с собой.

Да, я и правда уже большая – мне целых восемь лет!

Мама часто ходит на вечеринки, ведь ей же нужно познакомиться с кем-то. Она у меня такая красивая! Мне очень нравится смотреть, как она собирается куда-нибудь. Красится она так: сначала слюнявит карандаш и рисует тоненькие стрелки на глазах. Потом плюет в коробочку с тушью, повозив в ней немного маленькой черной щеточкой, густо красит ресницы. Я тоже как-то попробовала накраситься как она, и у меня получилась кривая жирная стрелка прямо посреди глаза.

Еще мама классно делает начес. После него волосы будто бы стоят. Сначала накручивает их на бигуди, а потом спит с ними. Первый признак, что намечается вечеринка – мама спит с бигудиями! Потом она начесывает волосы, да так ловко, что они превращаются в большое облако на голове. В конце всё нужно аккуратно пригладить, но не сильно, а то будет зализано. В итоге получается очень красиво!

Я, конечно, тоже один раз попробовала сделать себе начес как у мамы, но у меня получился комок жутко запутанных волос. Потом мы его еле расчесали, а часть волос пришлось выстригать.

Еще у мамы есть один секрет – как выглядеть на все сто! Про этот секрет никто не знает, кроме меня! И это «самодельный пуш-ап», как она его называет. Дело в том, что грудь у мамы маленькая, и она подкладывает в бюстгальтер две тряпочки, чтобы грудь стала на два размера больше. Потом она эти тряпочки стирает, и они постоянно висят на веревке в ванной, сохнут.

Мы живем с мамой вдвоем.

–Ты что думаешь, мне легко тебя тянуть одной?! – часто сокрушается мама.

Я очень стараюсь ей во всем помогать, но может быть, если у нее появится новый муж, ей и вправду станет легче меня тянуть?

Помню, как-то у мамы появился друг, он стал часто к нам приходить, мне тогда года четыре было. Его звали дядя Юра. Мне он жутко не нравился, даже не знаю почему. Как-то раз, дядя Юра, уже выходя от нас, стоял на пороге и долго целовался с мамой на прощание. Я выглядывала, выглядывала из комнаты, а потом не выдержала этого «жуткого» зрелища, выбежала с ремнем в руках, стегнула дядю Юру ремнем и велела ему уходить домой. Мне от мамы тогда здорово влетело, но зато и дядя Юра бесследно пропал...

По телевизору уже закончились все программы. За окном темень, а я всё сижу с книгой, но совершенно не понимаю, что там написано, да и не интересная она. Смотрю на мою собаку Жульку, пытаюсь поговорить хотя бы с ней, но она только скулит в ответ, нагоняя еще большую тоску. А мамы всё нет и нет, оно и понятно, ведь она сегодня на вечеринке... Яна Габай

По профессии и образованию я экономист-аналитик, по призванию – переводчик текстов с русского языка на иврит. По натуре человек очень чувствительный и гиперответственный. Как это ни странно, я действительно люблю людей. Еще я очень и очень люблю читать.

Участие в проекте было для меня, прежде всего, возможностью познакомиться с новыми интересными людьми. Кроме того, я очень хотела научиться выражать чувства в словах и создавать свои собственные произведения, а не только читать и переводить уже существующие.

В своем рассказе я хотела поделиться тем, что пережила когда-то, и подчеркнуть, что порой самый страшный опыт, если нам хватает мужества взглянуть ему в лицо, в лицо своему страху и оцепенению, то произошедшее обретает для нас совершенно иной смысл и помогает найти свой путь, а порой и призвание. Оцепенение жертвы

Больших душевных усилий стоило мне начать писать историю, которая произошла со мной много лет назад и оставила шрам в душе. Сейчас уже понимаю, что именно тогда, я сделала действительно важный выбор, который повлиял на всю мою последующую жизнь и в большой степени сделал меня той, кем я являюсь на сегодняшний день.

Как-то я смотрела передачу о жизни гремучей змеи, и мне очень запомнилась сцена её охоты. Крохотная мышка, раненая молниеносным укусом, попав под её «гипнотические чары», не оказывала никакого сопротивления и смиренно уми-

рала, поглощаемая огромной рептилией, навсегда исчезая в развергнутой её пасти... Оцепенение жертвы – вот то чувство, пережитое мной в далекой юности, о котором я хотела бы рассказать.

В то время мне исполнилось тринадцать лет. Именно в этот период мы с родителями переехали жить в новую, странную и жаркую страну, Израиль.

На первых порах мы всей семьей ютились в маленькой квартирке на окраине города. Район, в котором мы жили, был, как говорится, «так себе», и народ, который там обитал, праздно ошиваясь без дела, уж точно не входил в круг законопослушных граждан.

Но меня это не особенно волновало, так как я никуда сама не ходила, а только в сопровождении мамы или отчима.

В тот день, когда со мной приключилась эта неприятная история, мама отправила меня в магазин купить продукты. Было очень солнечно, в воздухе разлиты ароматы цветущих деревьев, и я вприпрыжку направилась к магазину, не ожидая никаких неприятностей.

На полпути мимо меня пронесся парень на велосипеде. Я еще подумала, какой он толстый и неприятный, и как-то нарушает очарование этого дня. И тут, словно прочитав мои мысли, он внезапно развернулся и стал стремительно приближаться ко мне.

Я сразу почувствовала неладное и ускорила шаг. Но он преградил мне путь, стал угрожать и приказывать идти за

ним.

Страх парализовал меня. Ноги стали ватными. Я воспринимала всё словно сквозь пелену, он говорил на иврите, а я не понимала ни слова и это пугало еще больше. Я чувствовала, что мое сердце часто забилося и упало в пятки.

Я умоляюще смотрела на него, что-то лепетала, пыталась объяснить, что не понимаю ничего, просила, чтобы он дал мне пройти.

Очень ясно помню то состояние, сковывающего меня страха и оцепенения, где я лишилась воли. Он продолжал что-то говорить и звать меня с собой, и я просто безропотно поплелась за ним, хотя ведь могла бы убежать. В тот момент я словно находилась во власти неведомой, непреодолимой силы. Мне помнится, как он схватил меня за руку, его ладонь была мясистая и влажная, от него воняло луком и кислым потом. Я последовала за ним как во сне, в голове был туман. До сих пор очень смутно помню происходящее тогда. Вороша и перебирая те моменты, каждый раз задаю себе один и тот же вопрос: «Почему не сопротивлялась, не кричала, не убежала, почему не защитила себя?»

Я действительно не понимала как себя повести.

Дальше он затащил меня в подвал для мусорных баков и велел поднять юбку и снять трусы. И вот тогда я по-настоящему запаниковала. Он грубо схватил меня и прижал к стенке. Стянул свои штаны и плотно прижался ко мне. Из разогретых солнцем мусорных баков невыносимо воняло чем-то

протухшим, вокруг открытой крышки одного из них роились мухи. Я чувствовала, что меня вот-вот вырвет. Еще минуту, и я умру от страха...

Не помню, что происходило потом, только уверена, что он не успел мне ничего сделать. Я вся словно выросла в стену и окаменела. Толстяк пытался оторвать меня от нее, и тут в подвал заглянул мужчина, чтобы выбросить мусор. Эта счастливая случайность и спасла меня от насилия. Парень испугался и на выкрик мужчины «что здесь происходит?», поспешно схватил велосипед и пулей вылетел из подвала.

Я лихорадочно одернула юбку и поплелась домой на «деревянных» ногах. Слава богу, на этот раз обошлось без приключений. Мама заждалась меня и выбежала навстречу с взволнованным лицом. Оказывается, они с отчимом очень беспокоились и обрушились на меня с вопросами, где я была и почему так долго не возвращалась. Я, как загипнотизированная, выпалила всё, что со мной приключилось.

Отчим просто озверел и потащил меня искать этого парня по вечерним улицам, но мы, конечно, никого не нашли и вернулись домой, где меня еще долго ругали, за то, что я такая растяпа и пошла за незнакомым мне человеком.

А мне хотелось только одного – провалиться сквозь землю от стыда и унижения.

Казалось, что меня словно вываляли в грязи, и я очень долго отскребала себя мочалкой в душе, обливаясь горячими слезами. Мне казалось, что я продолжаю чувствовать

вонь изо рта толстяка и ощущать железную хватку его потных рук...

Много времени ушло на то, чтобы вырваться из этой роковой хватки. Я стала замечать, что шарахаюсь от мужчин и боюсь слышать иврит. Вот именно тогда, перед моими глазами встал образ той мыши, бесследно исчезающей в пасти гремучей змеи.

«Ну уж нет, решила я! Этому не бывать!» И отправилась навстречу своему страху...

Прошло много лет с тех пор, и теперь одно из моих любимых занятий – переводить тексты с русского языка на иврит, в этом я обрела свое истинное призвание. И пришло оно именно там, из далекой юности, когда я отправилась на бой со своим оцепенением... Нильс Датч

По профессии я программист, правда, уже более десяти лет, как ушел из этой сферы деятельности. К сожалению, а скорее к радости, другую серьезную специальность приобрести так и не удалось. В последние годы занимаюсь фотографией и организацией творческих проектов, таких как концерты, небольшие кулинарные и музыкальные фестивали.

В проекте «Живое Слово» участвовал, чтобы иметь воз-

возможность находиться в среде интересных людей, почувствовать их, заглянуть в их внутренний мир. Я работаю над созданием сценария художественного фильма, основанного на реальных событиях и историях окружающих меня людей. Фильм о человеческих талантах и способностях, о красоте жизни, о ситуациях, когда людям удается переступить через ограничения, страх, осуждение общества, а иногда даже рискнуть собственной жизнью, чтобы совершить Поступок и вернуться к себе. Невидимый преследователь

Я частенько задумываюсь над тем, почему мы – люди, порой обманываем сами себя? Почему фальшивим и притворяемся кем-то другими? Почему так редко делаем то, что действительно хотим делать? Почему мы забываем о своих мечтах, о своем умении выйти за рамки, о готовности сделать что-то действительно неординарное? Иногда мы так далеко уходим от себя, что уже вообще не помним, кем были когда-то.

Иногда я задаю себе вопрос о том, что должно произойти, чтобы пробудить нас и заставить выйти из беличьей беготни и рутины?

И почему-то в моем воображении неизменно возникает один и тот же невидимый персонаж, который внезапно врывается в жизнь людей и всё в ней меняет. Он – тот, кто преследует, кто задает «правильные вопросы» и обязательно оставляет за собой след – послание, которое заставляет задуматься. Люди, которых он выбирает в качестве своей ми-

шени, бесследно исчезают из серой жизни.

Я мечтаю снять об этом персонаже фильм. Вы спросите, какой сюжет фильма? Думаю, примерно такой:

Мы словно видим всё глазами «невидимого преследователя». Когда зритель смотрит картину, то начинает погружаться в его внутренний мир, хотя самого героя на протяжении всего фильма мы так и не увидим, он словно часть нас самих, он наш внутренний голос и всегда остается за кадром.

Так вот, преследователь приходит в гости к людям, которых заранее выбирает, сближается с ними и постепенно переходит к очень глубокому общению.

Он задает самые неудобные и очень личные вопросы. Затрагивает темы, в которых люди вынуждены заново открывать самих себя. Они рассказывают ему о своих приключениях, о первой любви, яркие события прошлого, о своих взлетах и падениях, и, наконец, погружаются в мир подлинной своей мечты. В результате эти беседы полностью меняют их, освобождают, они перерождаются и становятся настоящими.

Потом невидимый преследователь увозит собеседника в неизвестном направлении. До поры до времени для зрителей это тайна, куда они попадают после своей духовной трансформации.

На месте «преступления» он всегда оставляет флешку с видеозаписью их глубокой беседы. Так постепенно из города пропадает всё больше и больше людей. Полиция расследует их исчезновение, днем и ночью разыскивая страшного

«маньяка-убийцу». Новости не замолкают об этом. Город в панике.

Конечно, по закону жанра должен быть второй герой – тот, кто противостоит преследователю. В моем воображении это следователь, который ведет дело. Этаким молодой «хороший парень». Например, бывший офицер армии, не раз воевавший. У него, конечно же, «правильная» семья, жена и ребенок, полно работы. Одним словом, вся его жизнь – рутина.

По долгу службы он просматривает все записи, которые оставил «преследователь». И они так сильно воздействуют на него, что переворачивают все представления о жизни. В голове всплывают воспоминания, которые открывают ему глаза. И он по-новому смотрит на систему, в которой работает, переоценивает приоритеты, открывает реальные возможности. На фоне серых будней мегаполиса, беличьей беготни, грязной политики, низменных интересов он ощущает себя свободным и понимает, что может выбирать, кем быть и как жить.

Да! Еще в фильме очень важно показать ярких, неординарных женщин, и потому третья героиня – это женщина-психолог, которая помогает вести расследование. Просматривая записи бесед «преследователя», она тоже подвергается их магии. Перед внутренним взором пронесется вся жизнь, пустая и бессмысленная. Она одинокая, разведенная, сама растит ребенка. Женщина устала от необходимости выживать. Попытки устроить личную жизнь, найти партнера,

мужа и отца ребенка, регулярно терпят фиаско. Истории «преследователя» заставляют её понять, почему так происходит. Это толкает её на смелые поступки, совершать которые она не позволяла себе многие годы.

Чтобы добавить фильму загадочности есть и мистический персонаж. Это женщина гадалка-шаман. Она мудра, обладает даром предвидения, знает и понимает, что происходит. Она – та, что способна угадать истинное назначение «последний» преследователя. Между ними возникает особая духовная связь, этакая «нить Ариадны», которая словно ведет зрителей по лабиринтам души человеческой, раскрывая самые сокровенные места...

Что было дальше я еще не придумал, но обязательно придумаю! Надеюсь, это будет увлекательно, и мне удастся достучаться до многих.

Во всяком случае, я всегда верил, что искусство – именно тот инструмент, который способен пробудить людей и всё изменить. И еще я верю, что идея, однажды описанная кем-то, пусть странным образом, но может найти способ воплотиться. Я очень надеюсь на это. А пока пусть такой «преследователь» поселится внутри каждого из нас, постоянно будит нас, тербит, задает неудобные вопросы, чтобы не забывать о том, кто мы есть... Елена Кон

Работаю менеджером по продажам корпоративным клиентам. По натуре я человек чрезвычайно эмоциональный, люблю побыть одна и поразмышлять о Главном. Люблю животных.

На проект пришла за победой над собой. Очень хотелось научиться выражать свои мысли в присутствии незнакомых мне людей.

Мой рассказ «Перекрестки» родился совершенно спонтанно, он сам пришел из глубины. Это даже не рассказ, а своего рода поток воспоминаний.

Я верю, что у каждого из нас есть свои перекрестки, на которых мы принимаем важные решения, влияющие на всю последующую жизнь. И еще хотелось подчеркнуть, как важно уметь не сожалеть о принятых решениях, а просто двигаться дальше. Перекрестки Часть первая: Дороги

...Эти Дороги были придуманы в далекой древности. Во избежание путаницы на земле и во вселенной Великие Писатели решили, что у каждой души во время её путешествия должна быть своя Дорога. В земном же пути Души называли Странниками, и лишь некоторым из них имя было – Человек...

С другими Странниками забот меньше. Им не нужны Перекрестки. Они и так довольны всем и везде. А вот Человек, это другое дело...

Весь замысел у Писателей на стадии Великого Эксперимента. И пока еще всё далеко не так, как оно должно стать в итоге. Есть огромные Книги, в которых они творят Дороги и придумывают Перекрестки. И всё-то они знают наперед, кроме одного: куда именно свернет тот или иной Человек.

А начинаются все Дороги примерно одинаково. Одна вымощена гладким мрамором, другая заасфальтирована, некоторые покрыты нежной зеленой травой. И все они ровненькие, без ям и камней. На обочинах растут прекрасные цветы.

Их оттенки и ароматы сохраняются в воспоминаниях путников и впоследствии становятся любимыми или ненавистными... Покой, надежность, безмятежность – вот чувства всякого начинающего путь.

И вот, Человек идет по Дороге. Шаг за шагом всё меняется. То весна с её нежным цветением, то жаркое благоухающее лето, то золотая осень, то белоснежная зима. На этом отрезке пути всё безупречно, ведь идущий должен быть полон сил и энергии для преодоления всей Дороги, до самого конца.

Однако, там, впереди, непременно появятся Перекрестки, и всё внезапно сменится на терновые заросли или непроходимые джунгли, или на дорогу, полную ям и камней, где нет ни единого цветочка. В любом случае, разные Дороги пересекаются на Перекрестках. Их там великое множество, и Человек никогда не знает, что ждет его за поворотом...

Добравшись до первого из них, Человек встретил пятерых. Один – мужчина лет шестидесяти. Весь поникший, с лицом полным печали. Его глаза были бесцветными и потухшими, они бегали туда-сюда в поисках покоя и умиротворения, которых он так и не мог найти. Его имя было – Сомнение.

Вторая – юная красавица. Её светлые длинные волосы развивались на ветру. Она не отрываясь смотрела на Человека. Этот взгляд был и добрым, и злым, и любящим, и ненавидящим, в нем одновременно отражались все земные чувства.

– Добро пожаловать на Перекресток, друг, – сказала она. – Меня зовут Решительность.

Третьей была старушка. Такая худая, словно вот-вот сломается, хрупкая как тростинка на ветру! Она с трудом выговорила свое имя, и Человек еле уловил его, да и то, благодаря ветру, что подул в его сторону и донес её слова:

– Меня зовут Слабость.

Четвертая была женщиной. Нельзя однозначно сказать, красива она или нет, и сколько ей лет. Но было в ней что-то магнетическое, глаза излучали мужество, отвагу и смелость. Именно это делало её невыразимо притягательной. Её звали не иначе как Сила.

В самой середине Перекрестка, на высоком троне сидел старец. Седовласый, взгляд уверенный, лицо хоть и приветливое, но весьма строгое. Он встал и уверенно подошел к Человеку для рукопожатия.

– Приветствую тебя. Меня зовут Выбор. Именно я скажу тебе, куда ты пойдешь дальше.

Старец откуда-то достал небольшой сверток и протянул Человеку.

– Что это? – спросил тот.

– Это подарок тебе от нас пятерых, – сказал Выбор. – Открывай же скорее!

Человек стал разворачивать бумажный сверток, завязанный шелковыми ленточками. Внутри лежал рюкзак из кожи каких-то невиданных животных. Грубо сшитый большими

стежками, лямки узкие – он явно не предназначался для тяжелой ноши.

– Зачем он мне? – изумился человек такому бесполезному подарку.

– Будешь складывать в него свои знания и опыт, – ответил Выбор. – Лучше всего брать только самое ценное. Сложи их туда и носи за плечами. Они помогут тебе при необходимости, когда понадобится выбирать.

Путник поблагодарил их и пошел дальше. С тех пор никто, кроме него самого не знает, какая дорога выпала ему. Единственное, что известно, – его Дорога обязательно пересечется с Дорогами других. Некоторые продолжают идти вместе, а некоторые свернут на ближайшем Перекрестке. Таких моментов много на пути Человека, но всегда его встретят и проводят те же пятеро, а наполняющийся рюкзак за плечами будет всё тяжелее с каждым выбором. Часть вторая: Мой Перекресток

Честно говоря, даже не знаю, где началась моя Дорога. Может в начале начал, а может на каком-то Перекрестке. Знаю только, что была жизнь «До» и есть жизнь «После».

Мама.

Когда-то она была жизнерадостной. Об этом я могу судить по пожелтевшим фотографиям, которые лежат в моем альбоме. Но это было до меня. Потому что, на этих снимках «До» она улыбалась, а «После», после фотографий просто стало очень мало. На них она повзрослевшая и грустная.

Вообще это странно. Потому что я была её долгожданным ребенком – одним из её Перекрестков, на котором она сделала выбор в мою пользу. Другим видимо не повезло.

Я знала её не долгих шестнадцать лет. Мама была брюнеткой среднего роста, плотного телосложения, несмотря на то, что постоянно сидела на диетах, которые сама же себе придумывала. Общительная, любившая веселые компании, где много людей – это я о ней знаю по тем же фотографиям. При мне всё было иначе и мало что осталось от нее прежней. Может быть, только душа, что иногда выглядывала искорками из её карих глаз, проливая свет во внешний мир... Она меня, конечно же, любила и от всего хотела уберечь. Но делала это не очень умело. И уж так она «старалась», что в итоге я не выдержала и уехала. Уехала, как оказалось, навсегда.

Мы встречались потом дважды. В первый раз летом. В то лето она очень просила меня остаться. Вот только где? В семье с ненавистным мне «им»? Или с ней, сломавшей и свою жизнь, и мое детство? Её я любила, а его ненавидела. Перекресток... Почему-то там у нее не возникло сомнений. Я уехала...

Вторая встреча. Даже не встреча, мы провели «вместе» три месяца, если это вообще можно так назвать. Мой юношеский максимализм ставил свои знаки препинания, изменяя смыслы происходящего в каждом дне. Как и в последнем дне нашей общей жизни. Ровно через восемь с половиной месяцев её не стало. Тогда-то и началось мое «После»...

Я слышала про «эффект бабочки». Говорят, если вернуться в прошлое и убить бабочку, то всё настоящее изменится. Эта мысль сверлит мой мозг вот уже пятнадцать лет.

Ох уж эти Перекрестки – судьбоносные моменты, где нам приходится выбирать, хотим мы того или нет, принимать решения, изменяющие нашу жизнь навсегда.

У мамы был свой Перекресток, на котором она выбрала продолжать путь без моего отца. Каковы последствия? По тем, а может и другим причинам, но сегодня его тоже нет в живых. Остается только гадать, как бы оно было, прими она другое решение. Какой бы была её жизнь? Мое детство?

Я часто думаю, осталась бы мама живой, если бы я согласилась вернуться? Может и не пришлось бы ей тогда переходить «ту» дорогу, в тот роковой день... Кто знает?

Цепные реакции, бабочки, Перекрестки. Сколько выборов мы делаем за наш путь?

А впоследствии рождаются бесконечные вопросы, ответа на которых порой просто нет... Марина Вуль

Работаю в Израильской федерации профсоюзов (Гистад-рут). Со стороны я кажусь человеком закрытым, но в действительности это не так, просто я слишком чувствительна ко всему, что происходит вокруг и потому мне самой с собой бывает трудно. Очень люблю читать, люблю театр и классическую музыку, обожаю учиться и познавать новое.

На проект меня привело чувство, что проходят годы,

жизнь пролетает и очень хочется создать что-то для души, сделать что-то самой. Я искала среду, где могла бы раскрыться, почувствовать себя счастливее, найти свое призвание, новое дело, хотела выйти из рутины, в которой находилась в последние годы.

Мой рассказ «Летний дождь» родился совершенно спонтанно. Думаю, что в нем затронуты не только мои личные проблемы – черствость, равнодушие, с которыми часто сталкиваюсь сама. Мы заняты осуждением окружающих, вместо того, чтобы понять и принять их. Мы уже давно не знакомимся со своими соседями.

Мне очень хотелось подчеркнуть, как важно открываться, быть добрее друг к другу. Ведь в нашей «скорлупе» мы часто не видим красоту, что правит миром. И когда мы её замечаем, то для злости и ненависти уже не остается места. Летний дождь или поэзия одиночества

Ну вот еще чуть-чуть, и я дома... И что это кошелка-то тяжелая такая? Что я туда напихала? Господи, серость-то какая! Так вот прямо на грудь и давит. Дышать нечем. Задолбали на работе. Поди туда, принеси то...

Крутишься как белка в колесе, стараешься. Ну, хоть бы одно слово, душу греющее сказали! Не-е-ет! Зато, если что не так... ух!

Так сразу и понимаешь – хуже тебя на свете нет. Домой! А дома-то что? Ну, приду. Разгрузусь. Посмотрю кругом. Боже! Что меня в пятницу ждет! Потом сяду на кухне на ми-

нуточку с думами своими. Опять вот мужик никакой попался. И где он, вот этот, у которого в сердце никто моего места не займет, как у Керен Пелес, помните? Хорошо поет, душевно.

Дети соседские... молчат только когда едят. Наверное, не часто у них это бывает. Мамашка, понятное дело, такая же... Бедная, конечно, женщина. Муж пьет не в себя. Троих детей кормить нечем. Как что задумает приготовить, яичницу, к примеру, так сразу ко мне приходит: «Милочка, дай яичек, как получка придет, сразу куплю и отдам». Получка, наверное, адреса её не знает. Интересно, что у нее сегодня в меню?

Ну вот. Во двор свой любимый зашла. А воняет-то как! Опять мусор не убрали. Дети бешеные носятся, орут, музыка нанайская из каждого второго окна... Всё такое несчастное, некрасивое, убогое...

Но всё же есть что-то, что поддерживает силы! Приду домой, кошелки покидаю и включу музыку – утверждающего Брамса или страстного Стравинского, а может быть ужасно грустного Петтерсона. Их произведения написаны так давно, но их я понимаю, скорблю, радуюсь, грущу вместе с ними.

Выбрала Брамса, устроилась в своем стареньком, потертом, но очень уютном кресле, закрыла глаза и потихоньку начала растворяться в звуках, переноситься в другую реальность...

И вот в оргазмическое крещендо вклинился посторонний звук, еще один, еще... на пушинке одуванчика зигзагами

спускаюсь с облаков...

Звонок в дверь. Мое сердце упало от разочарования. Не совсем еще вернувшись в реальность, открываю дверь.

Соседка. Это стоит описания! Значит так: совершенно растоптанные, потерявшие всякую форму обуви, какой-то балахон, похожий на археологическую находку и совершенно не позволяющий догадаться, что под ним. И вот голова – такой большой ком ваты, из кома торчат куски без всякого порядка – её волосы. Но! Надо отдать должное попытке приукрасить облик – спереди прицеплена этакая заколка в виде огромной бабочки, она (бабочка) переливается всеми цветами радуги и кажется абсолютным пришельцем на этом... всём.

Так и кажется, что эта бабочка переносит повсюду свою хозяйку из одного места в другое. Из этой замысловатой оправы угадывается лицо. Оно выдержано в общем стиле – трудно определяемое, цвета невымытого. Глаза... жалостливые такие! Из-за балахона выглядывает голова-ребенок, маленькая копия мамашки, с тем же выражением глаз. Открывается рот, и из него звучат совершенно ожидаемые слова, совершенно ожидаемым тоном, с выражением всей боли еврейского народа: «Милочка, здравствуйте, увидела вас из окошка и вот прибежала. Выручайте, решила шей наварить, а капусты нету. Они, детки мои, вокруг меня ходят, ходят».

Теперь понимаю, голова из-под балахона – «группа поддержки». Без слов тащусь на кухню, приношу что было – по-

ловину кочана капусты. «Красавица моя, не знаю, как благодарить!» – ну, сейчас еще вернуть пообещает. Не дожидаясь окончания звездопада благодарностей, закрываю дверь. Она не обидится, с ней по-другому не обращаются.

Ну, вот скажите вы мне, ради бога, где все мои восторги от вечно прекрасного? Это вот моя земная жизнь – сплошное уныние, серость, нищета и жалость. Назовешь её прекрасной? Или, хотя бы, может быть есть надежда, что она станет хоть чуть менее серо-тягучей?

Ладно уж, коль меня на землю эту цветущую, непонятно кем обетованную, вернули, пойду, займусь прозой – вынесу мусор...

На улице по-прежнему серо и тускло.

И вдруг... вся эта небесная бетонная серость разверзлась с шумом и грохотом надо мною, и словно открылся верхний этаж... а оттуда капля за каплей, весомые, огромные и вслед – лавина водная! Она, наполненная солнечным светом, восторгом, переливается всеми цветами радуги. Будто кому-то там наверху на всю эту убогость смотреть надоело, и всё кругом преобразилось, ну то есть совершенно!

Дерево... откуда оно? Какое красивое! И дети... как бы хотелось поплескаться с ними в луже!

Летний дождь... Чудо какое! Откуда это?! Стою, сознание прямо потеряла, наверное, с открытым ртом. Будто кто-то другой, не я.

Лавина, теплая, ласковая и вместе с тем мощная неверо-

ятно. Она будто вымыла меня всю изнутри, в глазах прояснилось. Будто бестелесной стала, грудь расширилась, наполнилась пьянящим воздухом, и парю я тут как воздушный шарик, покачиваясь на волнах... Все заботы, думы – суета одна.

Ну и хрен с этими мужиками, красоты такой не видят (меня-то есть). Главное, что мне с моей новой радостью совсем не одиноко. Хорошо бы соседка сегодня зашла, я бы ей еще и картошечки к шам подарила. Про бабочку её мысль пронеслась. Ведь может быть, эта бабочка – воплощение её неосознанной тяги к лучшей красивой жизни, наполненной цветами и радостью. И вообще, не всем в жизни был дан шанс познать это вечно прекрасное, и не всем в свое время сказали: «Можно. Иди и твори». Не всем в детстве говорили: «Ты самый лучший и любимый, я всегда буду рядом!» За что же их презирать теперь, и что это даст?

Вот если бы всех людей на свете обмыл этот чудесный летний дождь, и все бы поняли, что единственное, что может нас спасти – это любовь, любовь друг другу, к бегающим, ползающим, цветущим и растущим...

Л-ю-ю-ю-д-и!!! Мир прекрасен и удивителен! Кто это знает, поделитесь своей радостью. Любите друг друга, не топчите, не презирайте – просто любите! Только так можно выжить, поверьте!

Слово художника

Меня зовут Маша Ройтман. Я начинающий и активно развивающийся художник-иллюстратор, в прошлом – практи-

кующий психолог. Еще мама четверых чудесных детей. Человек сложный, ранимый и хороший.

В проект «Живое Слово» меня привела дружба с Леа Веденски. Тогда я и представить не могла, что он окажется настоящим прорывом к самой себе, моим «волшебным пенделем».

Хоть я и рисовала сколько себя помню, и в детстве учи-

лась в школе искусств, а поступила в итоге на психолога исключительно из разумных соображений, ведь «художники – это нищая богема!» Но любовь к рисованию всё же продолжала жить во мне на задворках души. Работа над иллюстрациями этой книги словно пробудила меня, дала веру в себя и смелость, а в конечном итоге привела к занятию любимым делом. От этого я чувствую себя по настоящему счастливой.

Надо сказать, работать было тяжело душевно. Я буквально нутром проживала рассказы, они запускали мои внутренние процессы, тревоги, страхи. Каждый раз мне было безумно сложно начать рисовать. Я думала: «Господи! Ну за что?! Я не хочу этого чувствовать!» А потом, сами собой, где-то в животе рождались образы, некоторые легко, а некоторые в муках. Эта работа стала для меня путешествием и в собственный «теневого дом», куда давным-давно не заглядывала, а тут наконец зашла и навела порядок. Не знаю, как иначе выразить то, что произошло со мной.

Одним словом, с этой книгой я прошла большой и важный путь и мне до сих пор не верится, что я вижу в ней мои рисунки, вижу часть себя самой. Это потрясающее чувство!

Послесловие

Заканчивая эту книгу, я испытываю приятное чувство – на душе тихо и светло.

Истории-сущности, жившие в моей душе, словно птицы выпорхнули из гнезда и обрели свободу. Теперь у них своя судьба. Не знаю, найдут ли они место в душах и мыслях дру-

гих людей, но абсолютно уверена, что просто не могла ими не поделиться.

Несколько лет назад одна подруга рассказала мне о том, как много для нее значили вечера, когда бабушка открывала заветную шкатулку и читала дедушкины письма, которые он присылал ей сначала с фронта, а потом из экспедиций. Деда уже давно не было в этом мире, но в письмах он по-прежнему жил: тосковал по дому, горевал о потерянных друзьях, преодолевал трудности и беззаветно любил свою жену, свою семью, любил всем сердцем. В этих посланиях он стремился оставить им как можно больше от себя, раскрыть душу.

«Знаешь, в самые сложные периоды жизни я вспоминаю именно эти вечера. Слова деда прочно сохранились в моей памяти и всегда давали силы жить дальше, верить, что всё будет хорошо» – сказала она мне.

Господи, как же это просто! – подумала я тогда. – Ведь чего в это тревожное время нам так отчаянно не хватает? Именно таких сокровенных, личных писем, которые напоминали бы нам о главном, которые трогали бы нас до слез. Писем, которые хочется хранить и перечитывать, которые можно носить у сердца!

Потом я долго думала о нашей беседе и пыталась представить себе, насколько другой была бы наша жизнь. Какими другими были бы мы, будь у нас время и силы на то, чтобы делиться сокровенным – чувствами, мыслями, опытом, своими историями-сущностями, хотя бы с нашими близкими...

Моей фантазии не хватило, чтобы в полном объеме представить это, но в одном я убеждена – мы бы намного больше знали о себе самих, мы бы лучше понимали и чувствовали друг друга, мы были бы мудрее, а наша жизнь глубже и интереснее...

Леа Веденски

О Жизни, Смерти и Любви

Записи на полях в дневнике психолога

Литературный редактор *Гульнара Сабрекова*

Графический дизайнер *Татьяна Соколовская*

Художник-иллюстратор *Маша Ройтман*

E.C.T. Center

Mirai Art Studio